

РАФАЭЛЬ ДАМИРОВ

ВЕНТОРГ
СКЛАД №1

КУРСАНТ 5

НАЗАД В СССР

Курсант: Назад с СССР

Рафаэль Дамиров

Курсант. Назад в СССР 5

«Автор»

2023

Дамиров Р.

Курсант. Назад в СССР 5 / Р. Дамиров — «Автор»,
2023 — (Курсант: Назад с СССР)

СССР в начале восьмидесятых. Андрей Петров идет по карьерной лестнице, работая в межведомственной спецгруппе Горохова. Но к тому, что ждет впереди, он оказался не готов... Книга содержит нецензурную брань

© Дамиров Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рафаэль Дамиров

Курсант: Назад в СССР 5

Глава 1

Вой усилился. Голосили уже сразу несколько хищников. Лошадь зафыркала и потянула повозку резвее, я еле поспевал. Ноги вязли в снегу, а винтовка била по спине. Я взял ее в руки и опустил рычажок предохранителя. В стволе единственный, последний патрон. Коробчатый магазин пуст.

– Есть еще патроны? – тряхнул я за плечо Ивана, который был готов вот-вот снова провалиться в забытье.

Тот помотал головой. Черт! Я и так знал, что боеприпасов при нем нет, сам же его обыскивал. Но все-таки надеялся на чудо.

Лошаденка пыталась перейти на бег, но короткие ноги и полозья неповоротливой повозки тонули в сугробах.

Я оглянулся. Луна висела низко, разливая по пропелшине позади нас мертвенно-бледный свет. Я увидел, как эту поляну пересекают тени. Они скользили чуть пригнувшись, словно снег совсем не был им помехой. Раз, два три, четыре... Твою мать! Сколько их там?! Сбился со счета.

Видно, твари почуяли кровь. И лошадь для них – лакомый кусок. Хоть и говорят, что волки просто так не нападают на людей, но этим, наверное, забыли об этом рассказать. Либо они голодные, либо на людей им совсем пофиг. Последнее бывает, я слышал, если в роду собаки. Помесь пса и волка опаснее любого лесного хищника.

Вот уже стая в шагах двадцати. Сопровождает нас, но нападать не торопится. Приценивается, или, может, врожденная осторожность не дает ринуться на людей сразу. Ждут, когда вожак первым прыгнет?

Вожака я приметил сразу. Раза в полтора больше собратьев. Даже морду разглядел – уже с проседью. Желтые глаза ни на миг не отводит в сторону. Смотрит на нас как на лакомый бекон, уже поджаренный и вкусно пахнущий. Уже, наверное, раздумывает, кого съедят первым, а кого прикопают на потом.

Лошадка тем временем совсем выбилась из сил. Сани уткнулись в пень и встали. Все, бл*ха! Приехали...

Я вскинул винтовку. Стая, пригнув головы к земле, шныряла вокруг, не решаясь приблизиться. Вожак ощерился и наконец двинулся вперед. Если прыгнет, то нам конец, ведь для волков это будет сигнал к нападению, и вся свора сразу атакует. Медлить нельзя. Я прицелился. Седой волчара сморщил морду, обнажив желтые клыки. Казалось, что я уже чувствовал смрад его дыхания.

Нет, это только обман, он еще не так близко. Это страх, который никак нельзя дать ему почувать.

Бах! Пуля ударила его в грудь, прошив насквозь, вышла откуда-то сбоку. Он дернулся и завалился в снег, поливая его красной стружкой. Остальные хищники тут же отпрянули. Громкий звук и внезапная смерть предводителя остудила их пыл. Надолго ли?

Я спешно освободил повозку, отцепив полозья от пня. Лошадь с выпученными глазами потащила ее с удвоенной силой.

– Бесполезно, – пробормотал Иван. Он был в сознании, но голос такой, будто уже умер. – Они не отстанут. Голодные слишком. Зверья нынче мало. Вот и пришли они в к Лешьим холмам. А тут дичи еще меньше. Только мы с тобой...

– Заткнись, – я швырнул бесполезную теперь винтовку на ворох соломы и вытер рукавом лоб. – И без тебя тошно.

– Ты убил их жожака, это их задержит. Верно. Но когда они вновь осмелеют – нам п*здец.

– Что ты предлагаешь? – процедил я.

– Брось меня, – вдруг ровным голосом проговорил Иван. – И спасайся.

– Иди на х*р!

– Ну, как знаешь... Вдвоем нам не выжить. Я бы тебя бросил... Если бы мог сам передвигаться.

Даже думать об этом было мерзко.

– И с чего такая щедрость? – я с подозрением уставился на Погибова. – Зачем жертвовать собой ради меня, я же тебя выследил? А ты меня перед этим едва не убил. Так в чем подвох?

– Ты должен их спасти, – еле дыша, проговорил проповедник.

Карьера его, кажется, заканчивалась, как говорят, на пике славы. Старик совсем не жилец.

– Кого? – выдохнул я.

– Сам знаешь кого. Пещера на южном склоне холма, того холма, макушка которого раздвоена. Один он такой. Там их найдешь.

– А почему сразу не сказал?

Погибов молчал...

– А-а... Я понял! Ты надеялся сам их спасти. Так? Но для этого тебе пришлось бы меня убить. Правильно?

– Пришлось бы, – Иван вдруг бодро поднялся и сел на повозке, словно совсем и не был ранен. Скинул с себя тулуп.

– Ты что задумал?

Он сорвал с руки повязку. Кровь выступила из колотой раны на плече:

– Прощай, мент. Уходи и спаси их.

Он сполз с повозки, чуть на завалившись на землю. Но устоял. И, шатаясь и подволакивая ногу, захромал назад, пошел прямо на волков, что шныряли чуть поодаль, провожая нас горящими голодными глазами.

Лошадь, почувствовав облегчение, засеменяла с новыми силами. Одной рукой я держал вожжи, а другой держался за оглоблю саней. Силы мои кончились еще час назад. Шел на адреналине и желании выжить. Сдохнуть бесславно, как дичь, совсем не хотелось.

И от меня еще зависит как минимум шесть жизней. Женщинам Погибова зимой в пещере одним не выжить. Я должен дойти до дома Ксении и дожидаться помощи. А уж тот холм с раздвоенной макушкой я запомнил. Как раз там и напал на меня бывший чекист.

Я еле поспевал за лошадкой и больше не оглядывался. Судя по визгам, грызне и рычанию, дележка добычи и пиршество уже началось. Но Иван даже не вскрикнул...

* * *

– Очнулся, герой? – голос Горохова прозвучал как-то глухо, будто из глубины колодца.

Я открыл глаза. Надо мной навис силуэт знакомой широкой туши следователя в белой, застиранной до дыр медицинской накидке с веревочками.

Пахло спиртом, витаминами и хлоркой. Я привстал на локте. Панцирная кровать отдавала скрипом. Никелированная спинка недосчитывалась нескольких крашеных прутьев. Я вспомнил почему-то, что такие прутки-трубочки в моем детстве считались дефицитом. Ребятня мастерила из них пугачи, приспособившая прутья в качестве стволов.

Горохов протянул руку. Я не сразу заметил ее, только приходил в себя, в глазах еще стояла пелена. Протянул ладонь в ответ, но увидел, что она замотана слоями бинта.

– Да ладно, – отмахнулся следователь и похлопал меня легонько по плечу, будто боялся, что я хрустальный.

А боль действительно ощущалась. Даже от таких шлепков. Внутри все горело. Во рту сушняк, еще кашель припер. Я отвернулся и прокашлялся. Аж до слёз.

– Андрюха, – подал голос Катков (он, оказывается, был рядом, а я и не заметил). – Ну, ты давай не болей, лечись как положено, через пару недель, сказали, выпустят.

– Это тебе, – Света сверкнула в улыбке белыми зубками и, наклонившись, протянула авоську с горой апельсинов.

Запах цитрусов смешался со сладостью ее духов. Я с наслаждением втянул смесь ароматов нового года и красивой женщины.

И она здесь... Вот я слепшарый. Я улыбнулся и с трудом взял гостинец. Поставил на покрашенную в грязно-голубой цвет деревянную тумбу. Из дверцы вместо ручки торчала деревянная шпилька в цвет тумбы.

Огляделся, может, еще кого пропустил? Может, генералы пришли медали мне вручать, девушки с цветами, пионеры с поделками и стихами. Но никакого героического антуража вокруг не ощутил.

Лишь по сияющим лицам коллег понял, что все-таки у меня все получилось. Я дошел и сообщил, где искать людей. А потом ни хрена не помню.

– Как я здесь очутился? – я сел на кровати, голова закружилась, и я схватился за поручень.

– Ты, лежи, лежи, – Горохов поддержал меня за плечо. – Не вставай. Сам не помнишь?

– Неа...

– Оно и понятно. Когда мы тебя нашли, тебя Пермякова Ксения выхаживала. Сказала, что пришел к дому под утро в крови и в полубреду. Ты все твердил про склон, про пещеру. Обезвоживание, переохлаждение, плюс крови потерял и рана инфицировалась. Еще и пневмония в довесок образовалась. Доктор сказал, что, судя по характеру повреждений, тебя за запястье зверь укусил.

– Хуже, – улыбнулся я. – Сам себя тяпнул.

– Зачем? – в голос воскликнули коллеги. – Я еле сдерживался, чтобы не прыснуть от смеха – таких вытянутых от удивления лиц я давненько не видел.

– Долгая история... Ивана нашли? Вернее, то, что от него осталось?

Вспоминать все это оказалось непросто. И не только потому, что голова гудела и вообще не хотела выдавать связных мыслей.

– Только одежду, окровавленную и разодранную. Отправили на судебно-медицинскую экспертизу. Кровь проверить, чтобы формальность соблюсти. Но его это одежонка. Ксения опознала. Сожрали его волки с потрохами. Ты лучше скажи, как вас с кобылкой куцей не тронули? Чудеса...

– Сам не знаю... Наверное, переключились на Ивана.

– Ты его там бросил? Чтобы выжить? – Горохов прищурился, а затем закивал. – Не осуждаю... Не по закону это, но хоть на что-то этот гад сгодился. Много душ загубил. Мы пока только про Галину и пилота знаем... По Галине, ксати, пришли результаты токсикологической экспертизы. В крови у нее яд нашли. Хитрый какой-то. Название без бумажки не выговорю. Видно, Погибов вколол ей шприцом в шею, а местный судмед след инъекции не обнаружил. Уверен, что Галина и пилот не единственные его жертвы, и кровавый след за Иваном поболее тянется.

– Не бросал я его... – тихо пробормотал я.

– Что? – Горохов наклонился поближе.

– Он сам слез с саней и пошел назад.

– Нафига? – не выдержав, встрял Катков.

Своим вопросом он опередил всех. Лица моей команды снова вытянулись. Но мне теперь было не до смеха.

– Сбежать хотел? – предположила Света.

– Нет, – замотал я головой. – Пошел напрямиком на стаю. Сказал, что вдвоем не выжить. Хотел, чтобы я рассказал вам, где искать его жен...

– Однако... – брови Горохова встали домиком, он озадаченно почесал затылок. – Дон Жуан хренов. Сначала наворотил делов, а потом на подвиги потянуло. Ладно... В рапорте напишешь, что пытался сбежать, и ты после этого его не видел. А там экспертиза покажет, что кровь именно его, по групповой принадлежности на лохмотьях найденных. Отправим одежду на трасологию, и эксперт напишет, что повреждения могли образоваться от зубов крупных хищников, коим и является волчара.

– Почему нельзя правду написать?

– Понимаешь... – Горохов наморщил лоб и поджал губы, отчего сразу стал казаться старше. – Не любят у нас такую правду, Андрей. Вор должен сидеть в тюрьме, и сострадания к такому элементу советский человек не должен испытывать. А нас уже раструбили в прессе о злодее, похитившем четырех женщин, что нарожали ему потом еще четырех маленьких невольников. Ты хочешь, чтобы вслед полетели репортажи о его геройской смерти? Как он милиционера спас ценой жизни, ради спасения своих женщин. Прямо индийское кино получается. Плакать все будут, а потом плясать, а потом опять плакать.

Может быть, он спасал не самого милиционера. Но этот милиционер даже сейчас точно помнил, как ему хотелось, чтобы в стволе обнаружился еще хоть один патрон. Пуля милосердия вслед спецагенту и проповеднику...

– Так не годится, – продолжал Горохов. – Для цензуры все просто. Есть черное и белое, есть красное и буржуйское. Кто не с нами, тот против нас... Не мы, Андрей, такие, система такая. Преступник сбежал и получил по заслугам, и точка...

– Убедили, – кинул я. – Но как-то нехорошо немного. Хотя... Хорошего искать в системе не надо. Она по умолчанию правильная и безупречная.

– Во! Соображаешь! Далек пойдешь, Курсант.

– А спасенные что говорят? Дети как?

– Молчат пока, все еще не верят, что хозяин безвозвратно сгинул. Видно, совсем их застрашал. Вместо Бога у них, что ли, был? Пока на реабилитацию в областной санаторий их поместили. Там как раз сейчас не сезон. Детишки слабые, авитаминоз, рахит и прочая сопутствующая хворь. Но жить будут. Молодец, Андрей, спас ты их. Долго бы они в этой пещере не протянули...

* * *

Мартовское солнышко припекало совсем по-весеннему. Касалось лучиками через окно комнаты в общаге бронзы обнаженной спины Сони. Она прильнула ко мне и что-то мурлыкала, лежа на кровати. На столе ей подмурлыкивал приемник:

Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свете жить...

– Андрей, – надулась девушка. – Ты меня совсем не слушаешь? О чем думаешь?

– Слушаю, – я чмокнул ее в губки, перебив все желание на меня ворчать. – Просто задумался.

– Опять сегодня Быков с Погодиным припрутся? Ни дня без них прожить не можешь. Когда уже вечер без них у нас с тобой пройдет?

– И Трошкин еще обещал зайти, – я виновато прикусил губу. – Их можно понять. Столько друга не видели. Представляешь, без меня они вообще не собирались вместе. Ни разу. Получается, вроде мы все друзья, а связующее звено между ними – только я, оказывается.

– У тебя больничный скоро закончится, и опять укажишь в свою Москву. Зачем тебе это? Учился бы здесь, в городе, спокойно. Сам говорил, что со второго полугодия курсантов в увольнительные каждые выходные отпускают. Обещал. Хоть виделись бы тогда...

– Служба есть служба, Сонь. Не хочу учиться, хочу жениться...

Девушка насторожилась.

– Да это из мультика фраза крылатая есть..., – улыбнулся я.

– А сам ты жениться, конечно, не хочешь? – зеленые глаза Сони превратились в щелочки.

Щеки подернулись румянцем. В этом тихом гневе она была прекрасна.

– Дай хоть учебу закончить, – отшутился я. – И потом... Семья времени требует, а я то там, то здесь...

Соня привстала.

– У тебя там кто-то есть? В Москве?

– Э-э... Нет, конечно!

– А почему так долго думал? А? Говори! – Соня хлопнула ладошкой по подушке.

– Работа у меня там, Сонь, работа. Еще учеба. Практикумы какие-то мифические мне всучили заполнять. Методотдел школы милиции решил задницу себе прикрыть на случай, если проверят их. Я же, типа, в командировке на практике. Вот и заставляют меня всякой ерундой заниматься. Отчеты строчить. Дневник мифический вести. Бумагу марать с указанием, какими я там передовыми навыками и умениями овладел. Ну хоть обещали на сессии не валить. Ну как – обещали, так, намекнули, что если отчетность по практике в порядке будет, то на второй курс перейду. Крючкотворы хреновы. Хотя их понять можно. Профессура – она такая, им не результат важен, а сам процесс дидактический, который показать и зафиксировать в планах и отчетах можно. Может, на моем примере и других курсантов способных будут запуливать в какие-нибудь спецгруппы. Еще кто-нибудь из преподавателей кандидатскую на этом настрогает. Мол, новый формат обучения открыли и обкатали. Звучит?

Я вспомнил еще один хороший советский фильм, про цирк и тигров.

– Ну, ты уж постарайся. Без образования сейчас никуда. Даже на заводе разряд нормальный не получишь, а у вас – звания и все такое.

– Стараюсь. Вот лежу, заполняю дневник практики, разве не видишь?

– Но если и завтра твои друзья опять припрутся, я дверь не открою. И тебе не дам это сделать.

– Завтра не придут, – я снова состряпал виноватый вид. – Завтра с родителями обещал вечер провести.

– С родителями, это ладно, – вздохнула Соня. – А послезавтра мы...

– А послезавтра, – перебил я ее. – Мы Олежку берем в кафе “Мороженое”. Забыла?

– Да помню...

– Вот и хорошо, потом погуляем втроем. У него, вроде, жизнь устаканилась. Мать совсем не вспоминает.

– И слава Богу. Ты говорил, что злюка была.

– Была, но все же мать. Хотя оно, может, и к лучшему... Что так все обернулось. Ожил малец совсем теперь. Веселый стал, не то что раньше, затюканный какой-то ходил...

– Нельзя так говорить, Андрей. Радоваться чужой смерти.

– Да, знаю... Просто иногда кажется, что лучше бы некоторые люди и не рождались вовсе...

Тук-тук-тук! – кто-то по хозяйски забарабанил в дверь.

Соня накинула на себя одеяльце. Я встал, натянул штаны и пошел открывать.

На пороге стояла комендант общежития баба Глаша. Матерая бабуся-фронтовичка. Угловатая, как шкаф в моей комнате, с седым узлом на голове. Голос командирский, даже усы пробиваются.

– Закрылись, полюбовнички, воркуют! – коменда уперла руки в бока. – А вообще-то посторонним вход в общежитие воспрещен.

– Да какие это посторонние, баба Глаша, – превратился я в самую добродетель, расплывшись в гостеприимной улыбке до ушей. – Это жена моя. Ну, почти жена...

– Знаю, каких вы тут жен водите. Паспорт покажи со штампом и оформляй прописку тогда, как положено.

– Ну ладно, баб Глаш... Своим скидка же? Чаю хотите? С мишкой?

– Каким таким Мишкой? – комендант зыркнула по сторонам в поисках еще одного возможного зайца, вернее, Мишки.

– Известно с каким, который на севере. Сонины любимые конфеты.

– Некогда мне чай гонять, я что пришла-то. Там у меня межгород висит на телефоне. Москва вызывает тебя. Иди трубку возьми. И скажи, чтобы в следующий раз не звонили мне. Я к тебе в камердинеры не нанималась!

– Москва? – я нахмурился. – Кто там на проводе?

– А я почему знаю? Мужик какой-то. Сказал, что дело важное и срочное.

– Он что, не назвался?

Что-то с трудом мне такое представлялось.

– Представился, конечно, только я, пока шла, фамилию его забыла. Странное дело, на фронте помнила почти все имена раненых, что перевязывала, а их, дай Бог памяти, по два десятка в неделю новых прибывало в полевой госпиталь. А тут фамилию одну забыла. Старую, видать... – комендант вздохнула.

– Да ничего вы не стареете, вы еще ого-го. Мы еще на вашей свадьбе спляшем.

– Типун тебе на язык, двух мужей схоронила, третий пусть живет... А вы, все-таки, распишитесь. Неправильно это, вот так по углам прятаться.

Она снова зыркнула за мое плечо.

– Придет время, баб Глаш, все сделаем как надо, – заверил я ее.

– Ага. Сделаете... Молодежь несознательная нынче пошла. Учишь вас, учишь, все как об стенку горох! Точно! Вспомнила! Горохов тебе звонит...

Я насторожился, и украдкой глянул на Соню. Лицо ее вмиг омрачилось. Будто заплачет сейчас. Она прекрасно понимала, чем такие срочные звонки заканчиваются...

Глава 2

Я спустился в кабинет (он же и жилая комната по совместительству) коменданта общежития. Взял телефонную трубку:

– Алло! Никита Егорович?

– Привет, Андрей Григорьевич! – радостно проговорила трубка голосом Горохова. – Как здоровье? Как себя чувствуешь?

– Да нормально все... Кашель еще маленько, пневмония, чтоб ее, затяжная получилась какая-то...

– Ну, ты давай, таблетки ешь горстями, или что там тебе прописали.

– Только витамины уже, а что случилось, Никита Егорович? Вы же не о здоровье звоните справиться?

Было слышно, как Горохов на том конце вздохнул.

– Ты прав, Андрей, дело важное, давай собирай манатки и в Москву дуй. Закрывай свой больничный раньше срока. Без тебя никак.

– Так вы же в Латвии, вроде, всей группой сейчас находитесь? Хищение янтаря расследуете. Катков рассказывал.

– Да все, закончили мы это дело... Там все просто оказалось. Кроме работников комбината еще и местный Главк был замешан. Поэтому областные и не могли разрулить. Сейчас по делу... Я уже начальнику школы позвонил. Они на тебя новый приказ на командировку состряпать должны и командировочные как положено оформить. Завтра деньги в бухгалтерии получишь – и покупай билет на самолет...

– Ясно, – такой скорый отъезд из Новоульяновска, конечно, не входил в мои ближайшие планы – соскучился я по Соне, по друзьям и родителям, но, услышав такую новость, не сказать, что я расстроился.

В глубине души даже обрадовался намечающимся приключениям. Да и Горохов, сдавалось мне, вздыхал не так чтоб искренне. Но радость эту я запрятал поглубже. Потому как перед своей совестью и Соней, когда буду сообщать ей пренеприятнейшее известие, вид должен иметь понурый и горем подернутый. Дескать, на работу вызывают, даже поболеть толком не дают, сволочи. Но что ж делать. Служба государева. Родина в опасности. Труба зовет... Что там еще говорят по этому поводу?

– А что за дело хоть, Никита Егорович? – не сдержал я любопытства.

– Не по телефону, Андрей, прилетишь – все узнаешь, – Горохов заговорщически понизил голос. – Но одно могу сказать точно... Сложно нам будет. Поэтому и говорю, без тебя никак. Да и Катков про тебя все спрашивает. Мол, скоро Андрей в строй встанет?

– Катков? Не знал, что мы теперь с ним друзья. Правда, он звонил разок. Ну, ладно...

А Света?

– А что Света?

– Не спрашивает? Ну... Про меня?

– Замуж Света вышла, не до спрашивания сейчас ей.

– Как замуж? За кого? Когда успела-то?

Не успел я поймать отвисшую челюсть, как уже услышал смешки Горохова.

– Шучу я, Петров, много вопросов задаешь. Давай выздоравливай. Срок тебе до завтра включительно на избавление от всех хворей. А, нет... Лучше сегодня перестань хворать. Приказ ясен?

– Так точно, тврщ плник!

– Ну я не полковник, а старший советник юстиции.

– Ну, это же по-ментовски эквивалент полковника. Так что, товарищ полковник, разрешите собирать вещи?

– А что там тебе собирать-то? Не на курорт летишь.

– А город-то хоть какой?

Общий сбор в Москве, но все же хотелось хоть что-то узнать.

– Не по телефону Андрей, все скоро узнаешь. Все, бывай.

Пик, пик, пик, – монотонно зазвучала трубка. Я обернулся. За спиной стояла баба Глаша и грела уши. Я глянул на наручные часы. Почти семь вечера, а друзей все нет. Погодина могли на работе задержать. Позвоню-ка я ему в кабинет. Может, и правда там?

– Баб Глаш, – улыбнулся я. – Можно еще звякну от вас? По делу...

– Я тебе, что? Переговорный пункт главпочтамта? Телефон казенный. Не положено. Вот если пролет на своем этаже подметешь, тогда разрешу.

– Конечно, подмету, – закивал я, уже вставив палец в отверстие над цифрой “семь”. – Вот только сегодня у меня гости, а завтра в командировку. Вернусь и обязательно подмету.

Комендант фыркнула и что-то пробурчала под нос. Я не расслышал, но вроде про ничемную молодежь, про бардак в общежитии, про то, что все всем до лампочки...

– Слушаю, Погодин, – серьезным голосом тем временем ответила мне трубка.

– Скажи-ка мне, Федор Сергеевич, почему твоя задница еще в кабинете торчит, а не у меня в общаге пиво пьет?

– А, Андрюх! Привет... Тут это... – Погодин замылся. – Не получится сегодня, похоже. Мероприятие у нас внеплановое вдруг нарисовалось.

– Понимаю, – съязвил я. – Вечерняя дураковка. Но я тебе не жена и в совещания неожиданные не поверю.

– Да не совещание вовсе, а обыск мы должны провести. Срочно.

– Федор Сергеевич, ты сегодня дежуришь?

– Нет.

– Ты в усилении?

– Нет.

– Ну, так давай тихой сапой смывайся с работы. Прямо уж обыск без тебя не проведут один.

– Семь.

– Что – семь?

– Семь обысков. Их все одновременно надо провести, чтобы не упустить никого и ничего.

– Как семь? Вы там войну преступности масштабную объявили? Ловите профессора Мориарти в пятницу вечером? Именно сегодня? Нашли время. До понедельника не ждет?

– Да тут такое дело... Помнишь магазин “Океан”? Здоровый такой, со складами своими. Открылся пару лет назад возле Набережной.

– Конечно. Кто же его не помнит? Это же первый сетевой магазин в Союзе. По всей стране такие отгрохали.

– Ага, фирменный... Так вот, его директора с валютой задержали. Сумма большая оказалась. С его зарплатой такую лет сто копить. Стали копать, что да как. Оказалось, он икрой приторговывал нелегально. По цене завышенной продавал мимо кассы. Вот теперь надо обыск провести, пока его семейка улики не замела. На даче, в гараже, по месту работы, по месту жительства его брата, его зятя и других родственников. Есть информация, что они все замешаны в рыбном деле. Половина из них там трудоустроена даже. Кто завскладом, кто товароведом.

– Ясно, – с досадой произнес я. – Значит, пиво будем с Быковым и Трошкиным дегустировать без тебя.

– Погоди, Андрей... А ты помочь не хочешь?

– Пятница же?

– У нас народу, капец, как не хватает. Всех подняли, кто хоть как-то может в оперативно-следственных действиях участвовать. Даже кинолога дядю Васю.

Да, труба дело, если уж до дяди Васи дошли.

– Он же старый, как сам Дзержинский? – еще более недовольным голосом переспросил я.

– И он так сказал. Но все равно загребли, щас на инструктаже в актовом зале сидит вместе со всеми приданными силами. Верещал, что ничего не смыслит в обысках. Его, мол, дело маленькое. Собачек кормить да какашки за ними убирать. А начальник управления его мордой тыкнул в его же прошлое. Напомнил кинологу, что тот десять лет опером землю топтал. До службы в собачатнике.

– Ну, я же говорю, старый дядя Вася, – усмехнулся я. – Склероз, видать, вот и забыл. А от меня-то что требуется?

Я давно уж понял, что отвертеться у меня не получится. Не по-дружески будет. Да и прав Горохов, мне на сборы много времени не нужно.

– Да ничего особенного. Приезжай на Литейную 234 через минут сорок. Поможешь квартиру заблокировать. Чтобы не смылся никто... Я туда только с дядей Васей и следаком отряжен. Трое нас всего. Вот и представь. Жопа чует, что облагаемся. Сам-то я тоже ни разу в обысках не участвовал. И следак зеленый совсем, как тля по цвету. Да и по размерам тоже. А с тобой спокойнее как-то будет...

– А что за рать у вас такая? Из двух человек и одного старика? Не могли вам людей выделить?

– Так я же говорю, нету больше. Всех уже раскидали, кого могли. А наш адресок считали самым бесполезным. Якобы там живут сродные братья подозреваемого. Армяне. Вроде как не при делах. Недавно в городе. Но для формальности проверить надо их. Чтобы исключить, так сказать.

– Вдвоем живут?

– Да, квартиру сняли. Переехали недавно из Алаверди. Мясом в коопторге торгуют. Представляешь?

Погодин был искренне удивлен.

– А что такого?

– Ну, как бы это не мужское занятие... Продавцом работать. Так что? Поможешь?

– Ладно, только я ненадолго. Через часик Быков с Трошкиным должны прийти. Помогу тебе в квартиру проникнуть, а там уже дальше сам.

– Спасибо, Андрюх!

Я положил трубку. Баба Глаша, что с интересом слушала мой разговор (детективы она обожала), теперь демонстративно уперла руки в бока:

– Петров! Я думала, никогда не наговоришься! Аппарат, поди, уже перегрелся. Сколько трещать-то можно? Вернешься с командировки – три пролета подметешь!

– Не греется телефон, баб Глаш, – улыбнулся я. – А подмести – подмету.

Я наказал Соне встретить друзей и развлекать их до моего приезда. Квадратный коротыш “Саратов” затарен пивом и воблой. Будет чем заняться гостям, соскучиться не успеют.

Я поцеловал Соню, шлепнул ее там, где звонко, и поспешил вниз, где у подъезда в гордом одиночестве стояла моя ласточка. Похоже, что среди обитателей общежития я вообще был единственным обладателем автомобиля. Да еще и “Волги”.

До нужного адрес добрался быстро. Даже опередил опергруппу. Прибыли они минут через десять на стареньком красном “Москвиче” четыреста двенадцатой модели с пожатанными дверями и замятыми передними крыльями.

– Привет! – воскликнул я, разглядывая вылезавших из машины троих милиционеров. – Что, служебки все по “нормальным” обыскам разъехались, а вам это корыто досталось?

– Вообще-то это моя машина, – насупился возрастной широкоплечий детина с лицом Валуева, но глазами добрыми, как у спаниеля.

Когда он выгрёбся из машины, ее задние рессоры облегченно скрипнули.

– Извини, дядь Вась, не признал твою ласточку. У тебя же шестерка вроде была. Новая совсем.

– Была да сплыла, – буркнул здоровяк. – Развелся я, Андрюха, вот разменял ласточку на корыто.

– А я-то думаю, почему в машине псиной несет? – подал голос молодой следак. Внешне он напоминал Максима Перепелицу. В плечах неказист, непослушный вихор на полголовы, глаза шкодливые, но умные. – Ты что, дядя Вася, собак на нем возишь?

– Да я сам как собака, – вздохнул тот. – Пропах насквозь на питомнике, только что не гавкаю. Ну что, молодежь! Пойдемте делом займемся.

Вошли в подъезд. Тесный лифт едва нас вместил. Кинолог даже голову пригнул. Сколько в нем роста, интересно?

– Жмите уже на кнопку кто-нибудь, – ворчал “Перепелица”, тщедушное тельце которого приперли в угол.

– Какой этаж? – спросил я.

– Четвертый, – ответил Погодин. – Одиннадцатая квартира.

Я потянулся к панели с кнопками, но туша Василия все перегородила.

– Дядь Вась, подсоби, – прокряхтел я. – Не могу дотянуться.

Тот неуклюже развернулся и ткнул заскорузлым толстенным пальцем в панель. Как таким пальцем он умудряется еще в кнопки попадать? Кажется, что он надавил на несколько сразу.

Лифт дернулся и загудел. Натужно повез нас наверх. Ехали слишком долго. Или лифт дохлый, или нас много. Двери открылись, и мы высыпали на лестничную площадку.

– Вот эта квартира, – следователь уверенно повел к средней, что была почти напротив лифта.

– Откуда ты знаешь? – спросил я. – Тут же номеров нет.

– Посчитал. По три квартиры на этаже. Эта, значит, – уверенно заявил он. – Звоните. Только надо представиться службой какой-нибудь. Газовой, например. А то вдруг не откроют.

Насчет этого он был прав. Обыск – это такое скользкое следственное действие с непредсказуемым началом и концом. Бывало в прошлой жизни, на обысках, в которых мне приходилось участвовать, “клиенты” глотали смертельные дозы наркоты (чтобы не приписали хранение – ума, конечно, палата), некоторые вообще пытались выброситься из окон. Приходилось их от окон оттаскивать, а первых от наркоты откачивать.

Я позвонил в дверной звонок. Тот мерзко затрещивал, казалось, на весь подъезд. Слышим шаги. Глазок погас, кто-то прильнул к нему изнутри. Мы, естественно, попрятались за угол, оставив Василия в гордом одиночестве. В отличие от нас, мажористой молодежи, Василий больше всех походил на газово-сантехническую службу своей одеждой и вообще потертым видом. Даже куртка цвета узбекского ослика напоминала спецовку.

Обитатель квартирных недр нас обозрел и через пару секунд выдал стандартный вопрос, поданный через дверь голосом таким, будто мы его семью похитили, деньги и куртку замшевую в придачу. Две.

– Х-кто?!

– Горгаз, – не моргнув бессовестной мордой, выдал Василий. – Утечки проверяем.

– Время уже не рабочее, – пробурчал мужик за дверью.

– А аварии, гражданин жилец, не по графику случаются. Откройте, если не хотите пострадать от утечки. На соседнем участке квартира рванула так, что в живых остался только попугай. И то потому, что его еще не успели купить и принести из зоомагазина.

– Поздно уже. Не открою, – заявил бесстрашный жилец, которого судьба попугая никак не вдохновила.

Мы ретировались за угол на мини-совещание.

– Раз не открыли, значит, в квартире прячут что-то, – суетился молодой следак. – На верном пути мы, товарищи. Уж у меня чуйка – будь здоров. Попались армяне.

– Что делать-то будем? – чесал репу Погодин. – Как внутрь попадем?

– Конечно, – поморщился я. – Дядя Вася никак на газовика не похож. В плечах сажень, морда, как кирпич, и ростом с дядю Степу. Вот и не поверил ему жилец.

– Может, ты попробуешь? – обратился ко мне следователь, озадаченно зажевав нижнюю губу. – Поаккуратнее как-то поговорить. Издалека.

– Ага, – усмехнулся я. – Скажу, что из ЖЭК-а, что соседней топите. Так они и поверят после того, как к ним газовик-бандит долбился. Я предлагаю теперь уже не церемониться. Постановление на обыск законное имеется?

– Да, – кивнул “Перепелица”.

– Ну так а что мы голову ломаем? Дверь надо ломать, а не мозги...

– Подожди, – остановил меня Погодин. – Попробуем официально.

Он снова позвонил в дверь, в довесок для пущей настойчивости постучал кулаком по дерматину и прокричал в замочную скважину:

– Граждане Агавеляны! Откройте! Милиция. В случае отказа мы вынуждены будем ломать дверь.

Бум! Бум! Бум! – барабанил Федя по дери, показывая всю мощь советской милиции.

За дверью снова раздалось шарканье тапочек. В этот раз более энергичное. Глазок снова потух и оценивал нашу гоп-компанию. Признаться, на работников милиции мы слабо походили. Хоббит-следак с пронырливыми глазами. Пара поджарых парней (мы с Погодиным), напоминающие хулиганов городских джунглей. И громила дядя Вася, больше похожий на Франкенштейна, чем на советского милиционера.

В общем, товарищи армяне, естественно, нам не поверили и дверь не открыли. А даже если бы и поверили, и им есть что скрывать, то тоже бы не открыли. Эх... Жаль, что свидетели Иеговы еще не народились в Союзе. Так бы ими можно было притвориться. Этим блаженным почему-то всегда все открывают. Потому что знают, что если затихариться и не открыть, то паства будет приходить вновь и вновь, пока не добьется вашей аудиенции, чтобы донести слово божье.

Хотя я так и не понял, кто у них Бог. Вроде даже не Иисус совсем. Жаль, что их запретили. Забавные были люди...

Дверь нам так никто и не открывал. Возмущенный следователь, уже позабыв про свою должность, просто пинал ее ногами и плевался угрозами, спорил и пререкался с дверью, будто она была живой. Через несколько секунд выбился из сил и, насупившись, отошел в сторонку.

– Ну что, товарищи милиционеры? – я обвел всех взглядом начальника, решив временно взять командование на себя. – Ломаем? Все согласны?

– Вообще-то, как старший оперативно-следственной группы, – пискнул вдруг отдышавшийся следачок. – Здесь я принимаю решения.

Он повернулся к сотрудникам и кивнул:

– Ломаем дверь.

– Вот это другой разговор, – оживился дядя Вася, засучивая рукава. – Кувалда есть?

– Неа, – растерянно захлопал глазенками следак.

– Да шучу я, – кинолог заботливо, словно малыша, отодвинул следователя в сторону. – А ну разойдитесь, пионеры. Сейчас дядя Вася фокус покажет.

Здоровяк отошел. Помотал головой, разминая шею (шея-то ему зачем в таком деле?) Разогнался и вдарил со всего маху по хлипкой дверце плечом. Вынес ее с петлями и другими корнями. Мы заскочили в квартиру.

– Милиция! – визжал следователь. – Никому не двигаться!

Но никто и не собирался двигаться. Более того, пузатый мужичок предпенсионного возраста с испуганной мордой Шурика (даже очки надел, как у Гайдаевского героя) вжался в стену прихожей. За его спинной держалась за сердце с барашками бигудей на голове пухлобокая жена.

– Не понял? – опешил следователь, чуть планшетку не выронив. – А где армяне?

– Какие армяне? – первой очнулась женщина. – Вы кто такие?! Мы сейчас милицию вызовем!

Глава 3

– Спокойно, гражданочка, – я достал удостоверение. – Милиция уже здесь.

Мужик еще не отошел от пережитого шока, хлопал глазами, тер очки о майку и боялся вякнуть, будто думал, что если молчать в тряпочку, наша бригада сама растворится.

– Та какая же вы милиция?! – хорохорилась хозяйка, тряся бигудями. – Этот бугай так вовсе на Фантомаса похож. А вы, извиняюсь, слишком сопливо выглядите для взрослых милиционеров. Еще и ребенка с собой притащили. – Кивнула она на следователя-полурослика, который в полумраке прихожей действительно по габаритам напоминал среднего пионера.

Тетя даже осмелела, сообразив, что грабить мы их не собираемся, потому как никаких требований материальных и корыстных до сих пор не выдвинули, а лишь смотрели с вниманием, судорожно ища в них кавказские черты. Но морды были у жильцов самые что ни на есть русские. Будто только что с Рязани понаехали...

Наша группа молчала, а хозяйка перешла в наступление, даже на конфликт провоцировала, наверное, подумала, что раз грабить мы их не собираемся, так, может, хоть насильничаем? Она даже халат в пылу перепалки распахнула и из-под советских незатейливых кружев ляжку вперед выпятила.

– Вы на удостоверение внимательно посмотрите, – я единственный продолжал давать ей отпор. – Что там написано?

– А что мне ваши удостоверения? Думаете, я знаю, как оно выглядеть должно настоящее? И кто за дверь платить будет? А?

– У вас какая квартира? Одиннадцатая?

– Четырнадцатая у нас, – несмело проблеял “Шурик”, решив, наконец, что как хозяин он тоже должен подать голос. Но не слишком усердно и громко, потому как вдруг мы все-таки насильничать соберемся. Не для для детских же забав мы дверь вынесли и полчаса до этого по ней барабанили. Не стоит, так сказать, нас провоцировать.

Предусмотрительная такая несмелость.

– Как – четырнадцатая? – следователь аж шапку снял и полморды в ней спрятал, будто стыдился, гад. – А этаж? Четвертый?

– Пятый! – взвизгнула тетя, уже не надеясь на интимные поползновения с нашей стороны, решила хоть за дверь денег отбить. – Вы что? Квартирой ошиблись?

Япона мама! Так дядя Вася, получается, своими граблями не тот этаж в лифте нажал. То-то мы долго ехали вверх. Теперь понятно, почему у хозяев морды славянского пошиба. Даже толстый кот, что выбрался посмотреть на шум, очень на русского похож – морда сытая и работать не хочет.

– Извините, граждане, – я чесал репу, размышляя, как загладить инцидент. – Ошибочка вышла. От лица всех внутренних органов приношу вам искренние извинения.

Прозвучало слабо. Надежда умерла в муках рождения.

– А что нам ваши извинения?! – напирала хозяйка, тряся брылями. – Мы как теперь без двери жить должны? Спать по очереди?

– Да ладно, Галя, – пытался урезонить ее муж. – Мы же все равно эту рухлядь менять собрались. До утра как-нибудь доживем, а там плотник придет. На утро с ним уже договорились.

Только сейчас я увидел в глубине прихожей новенькую проолифенную дверь, местами с застывшей смолой. Даже запах хвойный ощутил от свежего дерева.

Эпоха железных дверей еще не наступила, и двери вообще не принято было менять, пока те не умрут от старости. А если и меняли, то не на сваренные из рельс и листов брони, как в девяностые, а на такие же хиленькие конструкции из древесных пород. Да что двери? Даже

ключи до сих пор под ковриками оставляли. И чтобы домочадцы точно нашли этот самый ключ, еще и записки в дверь совали, мол, мама, ключ под ковриком.

– Ну, раз все так замечательно разрешилось, – проговорил я, пятясь к лифту. – Еще раз прошу прощения, нам пора, на чай не останемся...

– Куда это вы собрались? – Гале явно было скучно.

Рутинка с Шуриком заела, а тут столько мужиков на нее свалилось разом. Не хотела нас отпускать:

– А кто нас до утра сторожить будет? Если вы милиция, вы должны отвечать за имущество и безопасность граждан!

– А вы милицию со сторожами не путайте, – уже осмелел следователь, когда понял, что никакого материального ущерба по его (или дяди-Васиной) ошибке мы не причинили, лишь неудобства. – В наши обязанности сторожить не входит. И вообще! Вы нам еще спасибо должны сказать!

– За что это?! – хозяйка от наглости “ребенка” аж челюсть забыла подобрать, так и замерла с отвисшей.

– За бесплатный демонтаж, так сказать, старой конструкции. Сэкономите на замене двери, благодаря нам.

Тетя еще что-то верещала и возмущалась, как вдруг в прихожую протиснулся мужичок чернявый, как Муслим Магомаев. Только носом больше и крючковатей.

– Ви што шумити? – возмутился джигит, одетый в красный спортивный костюм с кофтой на голое тело (шерсть кудрями пробивалась поверх молнии на груди) и в клетчатые тапочки. – У меня дэвушка в гостях. А ви амарагидон устроили, панимаишь!

– Земляк, – обратился я к нему. – А ты с какой квартиры?

– Снизу, из адинадцытой!

– Гражданин Агавелян?

– Да-а... Аршак...

– Замечательно! – я ткнул ему корочками в изумленное смуглое лицо. – Мы к вам в гости сейчас пойдём. Постановление у нас на проведение обыска имеется по вашему месту жительства.

Агавелян вдруг потух, глазки опустил и даже как-то погрузнел, забыв спросить, а по какому, собственно, поводу обыск намечается. А скорее всего, не забыл – рыльце в пушку потому что.

– Пойдемте, гражданин Агавелян, – подтолкнул я его к выходу.

Тот нехотя поплелся, еле-еле переставляя ноги. Но в следующий миг вдруг рванул со скоростью африканского страуса. Сшиб “ребенка”, увернулся от Погодина и уже почти выскочил на лестничную площадку, как напоролся на кулак дяди Васи. А это вам не хухры-мухры...

Василий еще минут пять назад вышел из квартиры в подъезд, чтобы не стеснять своим телосложением узкое пространство прихожей. Да и тетя в бигудях на него как-то жадно поглядывала. Смутила здоровяка.

Бегунок распластался на лестничной клетке, как утка, подстреленная дуплетом, и не подавал признаков жизни.

– Убили... – выдохнула Галина, прикрыв вновь отвисшую челюсть рукой.

– Спокойно, граждане. Работает милиция, – я подошел к дяди-Васиной добыче и осмотрел ее безжизненную морду. На скуле уже назревал синяк. Пока багрянцем. Нормально, жить будет:

– Вставай, земляк, – я потащил его за ворот вверх. – Хорош притворяться.

Тот открыл глаза и непонимающе вертел головой. Пришел в себя и все вспомнил:

– Может, договоримся, начальник?

– Может, и договоримся. Пошли к тебе домой договариваться, несподручно как-то в подъезде, – я вручил пленника Погодину и дяде Васе.

Те вцепились в него, как коршуны в куренка. Больше никому не хотелось опростоволоситься, а сам я поспешил, перескакивая сразу через две ступеньки, на заветный четвертый этаж. Где-то сзади болтался следак. Сопел, и ещё слышно было, как по ляжкам хлопает планшетка.

Вот и одиннадцатая квартира. Номера на двери нет, но судя по расположению – она. Я толкнул дверь – открыта. Ну, значит, точно она. Полумрак, запах терпкого вина и парафина, где-то в комнате мерцают свечи. Агавелян-то, оказывается, романтик у нас. Свидание девушке устроил по полной. Все-таки умеют кавказцы за дамами ухаживать красиво, не то что мы, оболдуи. И где-то это самая девушка должна быть. Не напугать бы ее, дурочку. Где тут, блин, свет включается? А вот, вижу. Но свет я включить не успел...

В проеме появилось нечто... Виден был лишь громадный силуэт на фоне отблесков свечи. Это было что-то среднее между другом Астерикса и Шреком. Но только в юбке. Мать моя... Это что? Та самая дэвушка?!

– Вы кто такие? – пробасила “Фиона”.

В этот раз я позволил в дело вступить следаку. Все же он главный в опергруппе. Пусть хоть немного почувствует, наконец, свою значимость. Не все же ему за нашими спинами прятаться. А то комплекс разовьется, не дай Бог, и так на Гитлера похож. Только усиков не хватает.

Я пропихнул следователя вперед. Тот с важным видом парторга самого большого колхоза стал доставать удостоверение. И нет, чтобы сразу сказать заветное слово “милиция”, он же жеманно затянул с представлением.

Зато Аршак среагировал быстро. Он появился на пороге с заломанными за спиной руками. Позади него маячили громила и молодой парень. Естественно, Фиона поняла все не так. Да еще и возлюбленный ее заверещал:

– Катька! Спаси!

Не долго думая, Катька ринулась на помощь своему возлюбленному – со всем пылом преданной женщины. По пути смела хлипкую тушку следака, отшвырнув его об стену. Тот ойкнуть не успел, так и впечатался в желтую обоину, не успев вытянуть даже руку с ксивой из нагрудного кармана. Сполз по стене и лежал, не дрыгался. Бл*ть! Надеюсь, живой!

Носорог уже мчался на меня. Тело привычно встало в стойку. Один точный удар и все. Но мозг включил заднюю. Не привык я девушек бить в лицо. Я их вообще не привык никак бить. Вот незадача. Однако делать что-то нужно, иначе обыск сорвется. Решил преградить путь своим спортивным телом и, если получится, подножку применить.

Но спортивность своего тела я малость переоценил. В плане его габаритности, удельной плотности и массы. Мышцы, конечно, кремь, но если против тебя волна от цунами идет, то ничего не поможет. Катька смела и меня, даже не споткнувшись. Я откатился вбок, стараясь не шваркнуться башкой о потертую стену.

Погодин даже не пытался ее остановить. Просто вжался в рисунок обоев, притворившись розочкой. Катюха пронеслась дальше, и вот уже почти воссоединилась с любимым.

Но на пути цунами выросла скала. Дядя Вася, словно каменный менгир, храбро встал на пути врага, выпустив вперед длиннющие руки-бревна.

Девчуля, не сбавляя хода, ударила в колосса. Битва титанов отдыхает. Дядю Васю откинуло чуть назад, но собачник устоял на ногах и одной рукой теснил Фиону вглубь квартиры, а в другой у него болтался Аршак, что отчаянно пытался вырваться и смыться. Неизвестно, чем бы все кончилось, но я вскочил на ноги и, выхватив удостоверение, ткнул, наконец, этой самой Катьке прямо в лицо:

– Спокойно, Катерина, мы из милиции. Немедленно перестаньте избивать советских милиционеров. Между прочим, за это статья соответствующая предусмотрена.

Катка обмякла и перестала душить дядю Васю:

– Как из милиции? Что что же вы сразу не сказали?

– Так вы нам не дали, – пискнул из угла пришедший все-таки в себя следователь. – У нас постановление на проведение обыска по месту жительства граждан Агавелян. Вот, смотрите, – следователь дополз до планшетки и дрожащими руками выудил спасительную бумажку.

Слава богу, без жертв при исполнении.

– Аршак! – заревела Фиона. – Ты что опять натворил, скотина?!

– Я ничего, – блеял Агавелян. – Не знаю, в чем дело.

Катя подошла к нему и посмотрела сверху вниз. Армянин втянул голову в плечи, но деваться ему некуда, тяжелая рука дяди Васи держала его за шкурку, как котенка. Казалось, Аршак сейчас больше всего на свете хотел оказаться где-нибудь в безопасном месте, в СИЗО, например, ну или хотя бы просто в обезьяннике.

В общем, уладив все недоразумения, подняв следователя с пола, мы надели на всякий случай наручники на Агавеляна и позвали понятых. Искать их не пришлось. На шум битвы сверху спустились старые знакомые. Шурик с женой. Они даже успели застать эпическую концовку сражения, где героическая девушка-Халк пыталась свернуть шею Василию.

Сердобольные соседи с удовольствием согласились побыть понятыми. Вечер для них давно перестал быть томным.

Тетя в бигудях даже рыскала по квартире вместе с нами и все спрашивала, что в первую очередь нужно искать – оружие или наркотики.

Следователь ожил и многозначительно кивал ей в ответ, но молчал, как рыба, потому что сам не знал, что мы тут ищем. Но, судя по поползновениям Аршана, найти мы все-таки что-то должны. Не зря же он в бега пытался удариться и носорога на нас ловко натравил.

Искать пришлось недолго. Сначала обшарили самые простые места хранения: шкафы, тумбочки и прочие шифоньеры. В одном из платяных шкафов обнаружили любопытный стратегический запас в виде целой горы кильки в томатном соусе.

– Это что? – недоумевал следователь, пытаясь оценить в некоем количественном показателе огромную батарею консервных банок.

– Нэ видишь? Рыба, – пожал плечами Аршак, но голосок его предательски дрогнул.

– А зачем тебе столько кильки? – давил следак. – У вас в Армении моря нет, и ты решил наладить туда поставки кильки?

– Люблю рыбу, – пробурчал пленник. – Что тут такого?

– И ты молчал? – встряла Катя, грозно зыркнув на возлюбленного. – Что у тебя столько ее? М-м-м... Обожаю! В томатном соусе. Хоть бы угостил даму.

Катюха облизнулась. По-быстренькому смоталась на кухню и вернулась уже с ножом. Схватила одну банку и ловко вспорола крышку. Отогнула жестяной кругляш и поддела острием ножа вожаделенное содержимое. Но содержимое рассыпалось на пол черными бусинами.

– Это что? – хлопала глазами Катка. – Что за нафиг, Агавелян?

– Позвольте? – я протянул руку и взял банку с черной икрой под бутафорной этикеткой. Взял ножичек, подцепил аккуратно глянцевые бусины и отправил в рот.

– Икра, мужики! – радостно выдохнул я. – Черная!

– Дура ты, Катя! – вскрикнул армянин с отчаянием в голосе. – Дура!

Следующие минут десять мы отчаянно пытались защитить “потерпевшего” от возлюбленной. В какой-то момент нам это даже почти удалось. Общими усилиями затолкали разъяренную Фиону в ванну. Но она выставила дверь и вновь кинулась на Агавеляна, чтобы отомстить за страшное оскорбление.

Успокоилась только, когда расквасила ему нос и посадила знатный фингал под левый глаз. Потом отряхнулась. Сунула ноги в сапоги, надела пальто (больше похожее на драповый парашют) и с гордо поднятой головой удалилась из квартиры.

Выдохнули все. Особенно Аршак. Отпираться было бесполезно. Он рассказал, как через его родственника, что работал директором в “Океане” Новоульяновска, они переправляли черную икру в Ереван под видом кильки. Рассказывал сбивчиво и торопливо. Уж очень ему скорее хотелось в камеру. Где двери железные и решетки на окнах – почти как по Булгакову, бронированные. Там его точно никто не достанет.

Глава 4

Рыбное дело в Новоульяновске раскрыли быстро благодаря нашему “грамотно” проведенному обыску. Погодину и дяде Васе руководство УВД пообещало премию, а следаку посулили должность повыше. За грамотное руководство оперативной группой в ходе проведения обыска и умелую организацию следственных действий готовили на него представление о назначении старшим следователем.

Таких плодов, правда сказать, мы не ожидали, да и узнал я о них немного позже, не сразу.

Потому что на следующий день я уже летел в столичный град. Соня на меня дулась, друзья тоже поворчали, и лишь родители не высказали ничего против моего скорого отъезда. Понимали, что сын давно вырос и у него своя жизнь.

На Петровке я был уже после обеда. Распахнул дверь кабинета. Горохов восседал в гордом одиночестве и копошился в каких-то бумажках.

– Андрей! – он радостно вскочил со стула и протянул руку. – Привет! Извини, что не дал поболеть по полной программе, но дело серьезное.

– Да ничего, – отмахнулся я. – На пенсии вдоволь наболеюсь. А пока работать надо...

После всех приключений в родном городке я уже и забыл, что больничный мой был так спешно закрыт.

– Вот это правильно! Кофе будешь? Индийский, – следователь с гордостью выставил на стол коричневую жестяную баночку “для гвоздей” с желтыми индианками на боку.

– Не откажусь.

Горохов налил кипятка из никелированного чайника. Такие советские чайники были устроены допотопно – просто железка с нагревательной спиралью внутри. Этакий кипятильник в броне. Но служили эти нехитрые приборы долго и исправно. Как правило, ломались, только если их забывали вовремя отключить. Вода выкипала, чайник щелкал, сбрасывая перегретую скорлупу накипи, и с дымком и гарью приказывал долго жить.

Кофе оказался неплох, но и ничего выдающегося. Хотя по нынешним меркам дорогой. Аж четыре рубля за банку – Горохов, как всегда, был гостеприимен и для своих ничего не зажимал. Но большинство простых граждан предпочитали так называемые кофейные напитки из цикория, ячменя и желудей, где настоящего кофе было не больше тридцати процентов, а то и вовсе без него обходилось.

– Слушай, Андрей Григорьевич, вводную, – начал Горохов издалека. – Грядет значимое событие. Летняя олимпиада. Все-таки мы решились. Хотя поговаривают, что генсек сомневался и хотел отменить Игры. Мол, экономика наша не вывезет и оправляться долго будем. Сам видишь, какое в столице сейчас изобилие. Любой деликатес без очереди купить можно, чуть ли не на каждом углу. Показуха, мать их... А в глубинке шаром покати. Но в разгар холодной войны не можем мы в грязь мордой ударить перед нашими врагами. Понимаешь? Олимпиада в СССР – шаг, скорее, политический, нежели спортивно-общественный. Покажем, так сказать, всему миру, кто тут батька.

– Согласен, Никита Егорович, – кивнул я. – А мы что, теперь экономикой заниматься будем?

– Да ты погоди, дослушай... У нас ведь как в стране считается? Организованной преступности нет и не может быть.

– Да куда же она делась? – улыбнулся. – Не в таких масштабах, конечно, как... – чуть не ляпнул про будущее и девяностые, но выкрутился, – как на Западе.

– И я про то же... Сейчас в Москву стянуты лучшие кадры МВД со всего Союза. С десятого по двадцать пятое марта КГБ совместно с милицией проводили рейды по оргпреступ-

ности. Отработали все известные банды. Облавы, обыски, задержания. Операцию “Арсенал” назвали.

Я вспомнил, что потом этих “Арсеналов” будет миллион – чуть ли не каждые три месяца будут проводиться. А потом еще “Вихрь-антитеррор” добавится. Скоро уже наступят весёлые времена, а пока, Горохов прав, у нас даже организованной преступности официально вроде как нет...

– Так вот, – продолжал следователь. – В ходе рейдов у преступников было изъято почти семь тысяч единиц огнестрельного оружия. Из них аж двадцать пять пулеметов. Плюс еще тысячу гранат изъяли и более тонны взрывчатки.

Я присвистнул. Больше для виду, чтоб начальник был доволен.

– С таким арсеналом можно переворот устроить в банановой республике, – улыбнулся я.

– Так и в Москве тоже... – нахмурился Горохов. – Есть опасения, что во время Олимпиады теракты будут. Представляешь? Как на Мюнхенской в семьдесят втором, с заложниками. А тут еще члена одного ограбили.

– Какого члена? – удивился я. – ЦК КПСС?

Безобразия, но не так чтоб совсем невидаль.

– Хуже! – всплеснул руками Горохов. – Члена МОК. Международного олимпийского комитета, так сказать.

– Да и хрен с этим членом, – пожал я плечами. – Нам-то что?

Я не понимал, куда клонит Горохов. Когда уже, наконец, он отставит текущие реалии и выдаст конкретику, скажет, что за новое темное и трудное дельце нам поручили.

– Да не скажи! Этот представитель МОК из полувражеской ФРГ оказался. Представляешь, каким скандалом пахнет? Они ведь бойкотировали проведение олимпиады в СССР. Ты многого не знаешь. Еще в январе на заседании стран НАТО чертова тройка англо-саксов из Великобритании, США и Канады инициировали этот самый бойкот. Сволочи. Никак наша страна им покоя не дает. Может, потом в будущем все изменится.

– Не изменится.

– Почему? – удивился Горохов.

– Потому что, Никита Егорович, люди не меняются. Сами знаете. Времена меняются, но не люди...

– Ты прям как Света говоришь, – Горохов вскинул на меня бровь. – Ну так вот, поводом для бойкота стал ввод наших войск в Афганистан. Но если бы там не случилось войны, то эти паразиты и другой повод бы нашли. Не сомневаюсь. Например, притеснение инакомыслящих или других юродивых в СССР. Понимаешь? В любом случае державу нашу мордой в грязь хотят макнуть. Тем более сейчас, когда противостояние длится хрен знает сколько лет уже. Не могут нам американцы простить переброску ядерных ракет на Кубу.

– Так они первые начали. В Турции свои боеголовки поставили.

– Вот и получается, что Олимпиада сейчас как арена битвы мировых держав. Какой уж там спорт вне политики! Союзники у нас, конечно, тоже есть, но врагов больше. Каждый хочет нас клонуть и не допустить распространение красной заразы.

– Никита Егорович, – не выдержал я часа политинформации, которую и без того прекрасно знал, и знал даже, чем все это в будущем закончится (в отличие от самого начальника). Когда начнется новая жопа, будет она больше и страшнее нынешней. – А задание у нас какое все-таки?

– Задание наисложнейшее, – Горохов опустил глаза, взял уже пустую кружку из-под кофе и бесцельно погремел там чайной ложечкой. – Обеспечить безопасность проведения Олимпиады. Чтоб прошла без сучка и задоринки, так сказать.

– В смысле? – вытаращил я глаза. – Мы что, порядок общественный будем охранять? Вы что такое говорите?

– Понимаешь, Андрей... Тут такое дело. Со всего Союза сотрудников нагнали. Щелоков только этим сейчас и занят. До нашей группы им теперь дела нет. Говорят, глава МВД даже сделку с ворами в законе заключил, чтобы те приструнили на период проведения Игр своих подопечных. Чтоб не криминалили – взамен на прощение старых грешков. Не знаю. Плохая эта идея, – Горохов понизил голос. – Но начальству в задницу не заглядывают. Я бы на месте Щелокова и Андропова репрессии усилил бы в отношении криминального мира, а не договаривался бы с ними. Как сказал Володя, вор должен сидеть в тюрьме...

Да, про Высоцкого и сейчас, и потом так говорили – как о родном или будто про соседа. Не имело даже значения, что реплика-то – персонажа, её писатель написал.

Но сути все это нисколько не меняло.

– Так вы меня что? Обманули? Когда сюда вызвали? – возмутился я.

– Ну ты чего такое несешь, Андрей? Пока ты в Новоульяновске прохлаждаешься, мы тут тухнем. Каткова прикомандировали к группе экспертов-баллистов, что арсенал изъятый на предмет боеспособности исследуют, да по картотеке стволы проверить нужно. Свету опять в НИИ МВД забрали. Там работы у психологов сейчас – вагон, много обострений весенних, а сам понимаешь, психи нам в Москве в такой ответственный момент не нужны... Репутацию страны блюсти должны мы... Я вот тебя и вызвал. Мы с тобой как приданные силы по зачистке города.

– Так и знал, – с грустью проговорил я. – Что общественный порядок охранять будем. А ведь вы сказали, без меня никак.

– Да нет, – Горохов хитро улыбнулся. – Как только подвернется стоящее дельце, мы от этой рутины сбежим. Я сводки штудирую каждое утро... Если что-то будет, мы тут как тут. Срываемся и в бой. Вот поэтому ты рядом должен быть. Чтоб в мгновение ока. А то будешь болеть – и не расстется ничего.

– Ясно... А Свету и Каткова как вызволять будем?

Я немного оживился, но все равно казалось, что все это “вензеля”, которые Горохов для красоты на самую черновую ментовскую работу наводит.

– Я же говорю, будет стоящее дело, там и посмотрим... А пока ты поступаешь в распоряжение «олимпийского» управления МВД, что совместно с КГБ мероприятия профилактические проводит для подготовки столицы к действию великому...

Ну, Горохов! Ну жук! Выдернул меня из-за такой ерунды. Хотя конечно, это не ерунда для нашей страны, но не совсем то, чем бы я хотел заниматься.

– А вы тогда что будете делать, Никита Егорович? – я ехидно прищурился.

– Заниматься планированием оперативно-розыскных мероприятий и разработкой следственных версий по некоторым неочевидным делам.

– Так сами же говорите, что конкретно нам пока ничего не поручили.

– Так надо проштудировать почву, так сказать. И вот, сводки у меня, – следователь стал перебирать бумажки на столе. – Иди уже, Петров. В триста седьмом отметься. Там приданные силы регистрируются. И кружку за собой помой...

Я сделал недовольный вид, но на самом деле на Горохова не обижался. Ему во что бы то ни стало нужно было сохранить нашу группу и показать ее полезность. Для этого он меня и выдернул, чтобы потом тыкать недругам, мол, смотрите, у меня сотрудники даже больничный прерывают, чтобы в строй незамедлительно встать на боевое дежурство. Как говорится, we are the best of the best... Надо перед Олимпиадой английский подтянуть, что ли. Вдруг пригодится.

* * *

В Москве всю шла подготовка к Олимпиаде-80. Руководство страны опасалось повторения кровавой трагедия Олимпиады-72 в Мюнхене, когда радикальные палестинские арабы

из террористической организации «Черный сентябрь» порешили тринадцать спортсменов израильской команды. Также еще свежи были в памяти воспоминания января 1977-го, когда в Москве прогремели три взрыва.

В МВД было создано специальное «олимпийское» управление, которое занималось сбором всей информации, связанной с обеспечением безопасности Игр. Подобная структура параллельно возникла и в КГБ, ее окрестили одиннадцатым отделом.

МВД мониторил всю информацию, что могла пригодиться для охраны общественного порядка, а КГБ нацелился на контртерроризм и контрпропаганду. Совместная делегация МВД и КГБ СССР даже совершила командировку в Монреаль, чтобы перенять в этом плане опыт зарубежных коллег.

В Москве начались самые настоящие зачистки. На неблагонадежных элементов, начиная от путан и заканчивая диссидентами и фарцовщиками, устраивали облавы. Задержанных ставили на учет и выдворяли из столицы.

Также к лету планировалось снизить плотность населения города легитимным путем: продлить смены пионерских лагерей, студентов отправить на картошку и в экспедиции, рабочих – в стройотряды.

Градостроительная политика тоже внесла свою лепту. В бездумном стремлении создать новое (которое не всегда, как известно, лучшее) были уничтожены целые районы за пределами Садового кольца, деревянные постройки Москвы – памятники русского зодчества.

Партия решила, что город, в котором проводится Олимпиада, не достоин деревянных лачуг, и невзирая на протесты сотрудников НИИ теории и истории архитектуры, что с пеной у рта пытались защитить интересные, на их взгляд, образцы застройки от классицизма до модерна, конструкции все-таки безжалостно снесли.

Небезызвестный в научных кругах профессор Скворцов из этого самого института даже пытался своим телом воспрепятствовать работе стенобитной машины, встал на пути огромной болванки на тресе. Но ученого быстренько повязали и упекли в соответствующее лечебное учреждение на несколько месяцев, здоровье поправить. Душевное, естественно.

Дела делаются – щепки летят.

В итоге исчез целый район Мещанских улиц, который поглотил «Олимпийский». Пострадали и окраины – дачные Сокольники с шедеврами деревянного модерна и село Коломенское с антуражными избами, которые превратили в труху ради того, чтобы туристам глаза не мозолить.

Полностью исчезло множество переулков и тупичков. Почти ничего не осталось от старинной застройки улиц Щепкина и Дурова. Прогресс, мать его за ногу, шел семимильными шагами...

Вот уже две недели я в составе группы одетых в штатское милиционеров мотался по столице, выискивая неблагонадежных элементов. Ловля “бутафорных” преступников мне изрядно надоела. Но однажды нам повезло нарваться на наркоторговца, что делал бизнес не где-нибудь, а прямо у Большого театра. Судя по сей наглости, местные ППС-ники были у него хорошо прикармливаемы.

На контрольный закуп пошел я, так как морда моя, из всей нашей компании усатых милиционеров, до сих пор больше других походила на студенческую. Хотя студенты в эти времена не слишком баловались таким зельем. Увлекались этой заразой больше люди сидевшие или, наоборот, артисты и прочие ранимые творческие натуры, тонкая душевная организация которых остро нуждалась в подобном допинге.

Вычислили мы торговца по наводке спекулянта билетами, что продавал контрамарки у Большого театра втридорога. Билетный делец как-то повздорил с наркобизнесменом и решил его слить правоохранителям. Курировали его комитетчики, так как «билетер» часто имел дело с иностранцами, что желали попасть в царство Мельпомены. Он стуканул конторским, а те, в

свою очередь, спустили инфу ментам. Не барское это дело, наркодилеров вязать. Наш конопляный продавец долгое время чувствовал себя вольготно и не стеснялся барыжить запрещенным товаром прямо на театральной площади.

В общем, дело было стоящее, хоть и не в том смысле, что мог предполагать Горохов.

– По чем баш? – я подошел к плюгавенькому мужичку в модных кроссовках с тараканьими усиками на пронырливом лице.

Тот мельком окинул меня опытным взглядом. Быстро оценил клиента. Но и мы не лыком шиты, подготовились. На мне приличное пальтишко цвета брусчатки Красной площади, шапка из водяной крысы и брючки со следами стрелок. Стало быть, деньги у меня водились. Только морда подозрительная. Глаза колючие, желваки и подбородок рубленные, будто не студентик вовсе. Но меня спасла трехдневная щетина, что была отпущена специально для рейдовых мероприятий, дабы от физиономии погнамы за версту не несло.

– Червонец, – не моргнув глазом, ответил торгош. – Коробок. В коробке грамм.

Я для виду нахмурился и пощупал карман с кошельком, будто оценивая свои финансовые возможности:

– Дороговато...

– Иди мороженое купи, копейки стоит, – презрительно поморщился таракан. – Пломбир девятнадцать, эскимо – двадцать две.

– Да погоди ты..., – протянул я, как будто таких мест знал еще десяток. Адреналин холодил мне затылок. – Давай за четвертак три коробка. Товар у тебя хоть нормальный? Поди, разбодяжил на десять раз.

Торговец ослабился – уж на торге-то он клиента дожмет.

Глава 5

Клиент готов, подумал торгош. То же самое подумал и я. Вытащил из-за пазухи кошелек и стал озираться по сторонам. Напустил на лицо немного тревоги от предстоящей сделки. На закоренелого потребителя зелья я не был похож, поэтому как мог тянул роль начинающего торчка, который ужасно волнуется, собираясь совершить нечто незаконное, по тяжести сопоставимое как минимум с убийством Кеннеди.

– Не здесь, – прошипел усатик, пытаясь звучать грозно, – иди за мной.

– Да, да, конечно, – пробормотал я, неуклюже, как бы торопливо запихивая кошелек в нагрудный карман пальто.

Сделал вид, что попал рукой в нужное место не сразу. Но дело сделано – бумажник из коричневой кожи с тиснением в виде башни кремля я засветил. Барыга жадно зыркнул на пухлый кошелек. Не знал гаденыш, что несмотря на надутые, оттопыренные бока, денег в нем немного. В бумажнике я носил маленький блокнотик с красной лидериновой обложкой и авто-ручку-брелок.

Когда не было ни компьютеров, ни смартфонов, у каждого гражданина была подобная записная книжка, которая хранила наиважнейшую информацию: телефоны друзей и родственников, дни рождения близких и знакомых, расписание автобусов и электричек, заметки про огород и дачу, а у некоторых ещё сокровенные мысли и, конечно же, стихи собственного сочинения.

Таракан повел меня в сторонку. Чуть поодаль от праздных прохожих и прочих туристов. Мои напарники хотели было увязаться за нами, но я сделал им незаметный знак рукой, мол, осадите, не палите контору, без вас разберусь. Те притормозили, остановившись перед киоском с мороженым, создав там сразу искусственную очередь.

На горизонте замаячил пеший наряд ППС. Два парня с харями деревенской выделки шагали в шинелях, подпоясанных португеей. Из-под сдвинутых на затылок цигейковых шапок выбивались соломенные кудри. Ну прямо двое из ларца. Казалось, что вот-вот начнут дрова месить и тесто рубить.

– Менты, – прошипел я, скосив глаза на патруль.

– Все нормально, – таракан даже глазом не моргнул. – Не боись... Давай деньги.

Я вытащил свою последнюю двадцатьпятку и бочком протянул ее торговцу. Тот ловко сцапал бумажку, словно коршун цыпленка, и шустро запихал в карман. Затем извлек из-под полы три спичечных коробка и сунул мне прямо в руки. Один я уронил, два затолкал трясущейся рукой в карман. Почему-то продолжал играть свою роль, чувствовал, что представление еще не кончилось.

– Ну ты и растяпа, – презрительно цыкнул таракан, глядя, как я подбираю коробок, в котором что-то перекатывалось. Я раскрыл упаковку с красной надписью «Решения XXV съезда партии в жизнь». “ц. 1 к.”. Сейчас спички эти стоили гораздо дороже – из-за сомнительного содержимого.

Внутри оказался квадратный брикетик, похожий на застарелую ириску с зеленоватыми вкраплениями. Не обманул таракан. Натуральный гашиш. Даже запах специфический чувствуется. Скорее всего, откуда-нибудь из Узбекистана или Казахстана. Тувинский до Москвы вряд ли доходит.

Я сунул коробок в карман и резким движением схватил за шкуру таракана. Тряхнул для профилактики так, что шапка с него слетела. Тот вытаращился на меня ошалелыми глазами, аж ушишки вмиг обвисли.

Тратить время на формальности и махать корками я не считал нужным. Много чести. Раскрыл рот, чтобы выдать привычное «милиция», но «Дуремар» меня опередил. Выдал это же

самое слово, но немного в другом контексте. Я чуть не выпустил ворот задержанного от удивления.

– Милиция! – бессовестно завопил таракан, повиснув у меня на руке и пытаясь вырваться. – Убивают!

Но хватка у меня, как у краба. Вцепился так, что трещал воротник. Второй рукой уже заламывал кисть барыге. Того, что произошло дальше, я никак не ожидал.

К нам резво подскочили «двое из ларца» и сходу попытались меня скрутить. Я отпрянул назад, выпустив добычу, и выскользнул из загребущих рук ментов.

И снова я не стал представляться, почуяв неладное. Будем ловить на живца.

– В чем дело, гражданин? – воскликнул один из сотрудников. – Документики предъявите.

– А вы лучше, товарищи милиционеры, проверьте вот этого подозрительного субъекта, – кивнул я на таракана, который уже бочком-бочком отходил в сторону, держась подальше от меня. – У гражданина со странными усиками кое-что под полами припрятано. Незаконное. Прошу досмотреть его и готов выступить в качестве понятого.

– Слышь, паря, – сержант ко мне придвинулся и стал говорить тихо, чтобы не привлекать внимания. – Шел бы ты отсюда. А мы без тебя разберемся.

– Не пойдет, – замотал я головой. – Хочу лично лицезреть ваши доблестные действия. Уж очень мне любопытно, что же все-таки нарушитель прячет такого под пальто, кроме каннабиса.

– Какой каннабис? – вмешался уже младший сержант. – Мы слов-то таких не знаем. Чудно, товарищ, выражаешься! Так ты пьяный, наверное? А ну-ка, давай пройдем с нами в отделение. И больно физиономия твоя мне знакома. Уж не проходил ли ты по ориентировке вчерашней по грабежу? А, Серег? – повернулся он напарнику. – Что думаешь?

И так гладко он обо всем этом вещал, будто по радио.

– Ну, точно он, – воскликнул второй. – Даже шапка похожа. Из бобра.

– Шапка у меня, товарищи милиционеры, из ондатры, но не суть. Настоятельно советую все-таки направить свою бдительность на товарища, которому я ворот надорвал.

– Ну точно пьяный, – заключил младший сержант издевательски ровным тоном. – Еще и на граждан кидается и каракулей от пальтов отрывает.

– Ага, – лыбился напарник. – Хулиганка еще корячится. Руки протяни, – приказал он, снимая с пояса наручники.

Таракан сиял от злорадства, бросая на меня торжествующие взгляды. Недолго тебе радоваться, сучонок. Прикормил ментов, что аж совсем ручные стали. А те, сразу видно, не за идею пришли работать. Морды ушлые, глазки бегают, высматривают дичь в виде подвыпивших интеллигентных граждан, с которых по-легкому деньги срубить можно.

Схема проста. Стоит таким подвыпившим, но сознательным гражданам разок пригрозить вырезвителем и соответствующим сообщением по месту работы, а потом великодушно пообещать отпустить их за символическую мзду, как дело в шляпе. Если дядя выглядит серьезно, и портфель у него из кожи Винни-Пуха, то “чирик” такса. Если же доцент и дужка очков изолентой перемотана, да портфельчик из Пятачка, то сердобольные сотрудники готовы были отпустить его за трешку, но надавав напоследок зуботычин, чтобы душу отвести, и для профилактики, как сказать.

Я протянул вперед руки, будто подставлял их под наручники. Один из ларца приблизился ко мне вплотную. Таракан тоже подскочил поближе. Наверное, хотел насладиться с более приятной дистанции видом на мое пленение. Но я ошибся. Пока мент неуклюже пытался застегнуть мне наручники (помогая ему, я всякий раз выставлял руки так, что сковать их было крайне проблематично), барыга с проворством карманника выудил у меня из пальто заветные коробки и быстро спрятал у себя под поллой. Вот сволочь! Грабеж среди бела дня.

У нас-то, в провинции, тоже водилась вся эта шушера, но те хоть для начала под дурачков косили – я живо припомнил, как мы с Быковым бегали по задворкам танцплощадок, вылавливая одного такого. А тут сразу всё серьёзно.

ППС-ники, как я и ожидал даже ухом не повели на такое наглое действие. Видно, не впервой уже подобные кренделя выделявал бывший щипач, а ныне каннабиноидный купец.

– Да не верти руками, – буркнул на меня сержант, пытаюсь втиснуть мое запястье в дужку наручников.

– Давайте я вам помогу, – улыбнулся я. – Я сам.

Выхватил у него наручники и отточенным движением защелкнул одно кольцо на руке сержанта.

– Э-э! – тот сначала опешил, но уже через секунду еле сдерживал себя, чтобы не зарядить мне в нос, уж больно людей много вокруг. – Совсем охренел?!

Не теряя времени, я схватил за запястье таракана и второе кольцо защелкнул на нем.

Барыга и ППС-ник, сцепленные в пару, пытались меня достать, но я отскочил назад, те мешались друг другу, путались ногами, и сержант спешно стал искать ключ.

Его напарник, увидев, как ловко я орудую, не рискнул идти на меня в рукопашную. Попятился назад, выхватив пистолет.

Но пока он его доставал, я успел вытащить ксиву и ткнул ей вперед:

– Милиция, товарищи сержанты. Вы задержаны.

Те замерли на секунду, подбирая челюсти, повертели головами и сообразили, что я один.

– Ах ты, сука! – прошипел тот, что пристегнут, он уже добрался до ключа и неумело ковырял в замке, выворачивая руку таракану, который подвывал от боли. – Валим! – крикнул он напарнику.

Младший сержант убрал пистолет и уже собирался встать на лыжи, пока я выхватывал ключ у Сереги, но его приняли под белы ручки мои сослуживцы в штатском, что наблюдали за мной издали и все видели. А когда началась катавасия, подоспели на помощь, сумев не раскрыться. Вовремя. Потому что бить морды милиционерам на глазах прохожих мне ой как не хотелось. А так получилось почти без шума и пыли. Никто даже особого внимания не обратил, будто старые друзья обняли ментов и затолкали в машину. Отдыхать повезли прямо со смены, ага.

Уже в управлении троицу хорошенько досмотрели. Помимо гашиша у таракана оказался еще «аптечный» набор: заводской морфин в порошке и раствор промедола в белых шприцах-тюбиках, которые использовались как опиоидный анальгетик в аптечках АИ-2.

Такие аптечки в оранжевом пластиковом футляре, похожем на огромный портсигар, были разработаны в СССР как средство первой медицинской помощи для силовых структур и сил гражданской обороны. В случае возникновения тотального военного конфликта с применением ядерного оружия должны были быть розданы гражданскому населению. Потом, конечно, такие аптечки запретят, а пока ими были благополучно забиты все склады Гражданской обороны. Опера раскрутили таракана по полной, и тот признался, что его родственник состоит в комиссии по списанию этих самых аптечек за сроком годности. Двое сотрудников тут же умчались за этим родственником, взяв себе в помощь еще и ОБХСС-ника.

Не будь все службы на ушах по случаю приближающейся Олимпиады, вряд ли всё можно было бы провернуть так молниеносно. А сейчас этот член комиссии вряд ли скроется.

При личном досмотре милиционеров обнаружили много занятного: рубли, по сумме эквивалентные двум их зарплатам, доллары (видать, иностранцев они тоже щипали) и цыганские паспорта, которые они забирали у промышлявших гаданием на площади ромал – и возвращали им только после уплаты соответствующего вознаграждения.

Конечно, крышевание наркодилера им не пришить. Трудно такое доказать, но валюты и паспортов было вполне достаточно для того, чтобы с работы поганой метлой выгнать и дело уголовное пришить.

* * *

Так и пролетали мои будни. В борьбе с мелкой Московской преступностью. Пока однажды мой временный командир майор Солдатов меня не обрадовал, сообщив, что я опять убываю в распоряжение Горохова. Сказал он это с каким-то недовольством. Я еще слышал, как вдогонку майор бурчал, что, мол, Горохов уже третью неделю сидит без дела и целый кабинет занимает. А они вынуждены ютиться по четверо в одном.

Я не стал с ним спорить и доказывать, что одно дело делаем, что если охотник сидит в кустах и не стреляет, это не значит, что он прохлаждается. Крупную дичь можно днями выжидать, а мышек, что мы сшибаем каждый день, в час по связке ловить.

– Разрешите? – я распахнул дверь без стука, на радостях решил не церемониться.

– Входи, Андрей Григорьевич! – Горохов протянул мне руку, я уже оказался возле его стола, и разрешение на войти оказалось простой формальностью, сказанной самым дружеским тоном.

Справа от следователя на стульях, что расставлены вдоль стены, сидели Света и Катков. Лица тоже довольные и одновременно чуть напряженные. Будто охотничьи собаки в предвкушении долгожданной охоты.

– Привет, – Света встала навстречу и протянула руку.

Вместо того, чтобы ее пожать, я ее чмокнул. Будто игриво, но все равно, окружающие уловили флюиды не просто галантности с моей стороны.

Катков, что “стоял в очереди” за приветствиями, вдруг нахмурился и даже попытался сесть обратно на стул, не пожав мне лапу. Но я вовремя его заметил (наверное, он подумал, что снизошел) и широко распахнул ему свои объятия, чтобы хоть немного растопить ледок с его стороны.

– Здорово, Алексей! – я чуть приобнял пухляша и похлопал по спине. – А ты, я смотрю, схуднул чуть-чуть?

– Схуднул? – тот забрежжил слабой улыбкой. – Правда?

– Конечно, – произнес я вслух, а про себя добавил, – нет.

Алексей украдкой бросил взгляд на Свету – оценила ли она то, что он теперь стройняшка. Света смотрела на нас обоих и улыбалась. Катков принял это на свой счет, мельком оглядел свой живот, втянув его до отказа, даже дыхание задержал. Чего только не сделаешь ради любви. В том, что он по уши влюбился в психологиню, я теперь несколько не сомневался. Наверное, никто не сомневался. Казалось, только твердолобый Горохов ничего не замечал. Но, скорее всего, он просто делал вид при подчиненных. Этаким служака, которого интересуют лишь дела рабочие, а все остальное побоку.

– Итак, товарищи! – командным голосом прервал он нашу приветственную болтовню. – У нас есть новое дело. Точнее сказать, дела. Не объединили их еще.

– Что там, Никита Егорович? – спросил Катков, еще не отошедший от радости внезапного похуждения. – Убийства? Изнасилования? Очередной маньяк объявился?

– Маньяков пока новых нет, тьфу-тьфу, – Горохов постучал по столу. – Но есть преступление похуже...

– Что может быть хуже маньяка? – Катков раскрыл рот.

Горохов обвел нас хитрым взглядом и загадочно улыбнулся:

– Хуже маньяка может быть только женщина-преступница. Естественно, серийная. В общем, дело такое. Все произошло в Волгограде полгода назад. Потерпевший Золотов Алберт

Евграфович, уже не пионер давно, за пятьдесят мужику. Начальник управления образования Волгоградского облисполкома. Мужчина солидный, в прошлом педагог со стажем. Разведен. Познакомился на конференции с молодой учительницей. На вид около двадцати пяти-тридцати лет. Воспылал к ней интересом естественным на почве внезапно возникших личных приятельных отношений.

– Вот старый пень, – усмехнулся Катков, продолжая втягивать живот, наверное, радуясь, что он совсем пацан еще, ведь ему всего сорок, и для мужчины это не возраст. А для такого похудевшего орла, как он, это вообще не недостаток, а, скорее, преимущество.

– Алексей, – Горохов поморщился. – Не перебивай. Он хоть и старей, а на девок заглядывается. А ты доколе еще нецелованным ходить будешь?

Катков насупился, уши его покраснели. Мы со Светой переглянулись, еле сдерживая улыбки.

– А кто вам сказал, что у меня девушки не было? – вдруг захорохорился Алексей, ерзая на стуле и раздувая ноздри. – Знаете, их сколько у меня было? Две!

– Отлично, – кивнул Горохов. – А то я уже переживать за тебя стал. Моральное здоровье и социально-бытовая устроенность моих сотрудников – залог успешной работы. Но две – это ни к чему, Алексей. Нужна одна и надолго. Вот как у меня была. Почти пятнадцать лет прожили, а у тебя из этих двух, наверное, одна из пионерлагеря, что за руку ты подержал на прощальном пионерском костре в конце смены, а вторая – с которой ты на выпускном танцевал вальс разученный. Ее тебе в пару хударук поставила. Так? Ну неважно... Продолжим о делах.

Катков покраснел еще больше, недоумевая, как так Горохов его раскусил с этими двумя...

– Так вот, – продолжал следователь. – Учительница эта оказалась вовсе не учительница. После третьего свидания с Золотовым вдруг заявила, что она замужем, но мужа давно не любит и собирается развестись, а тот, дескать, мелочный до ужаса, развода не дает, говорит, что не желает имущество общее делить. Жигули возраста старой собаки, потертую югославскую стенку, сервиз ГДР-овский и прочие ковры на стенах. И требует в качестве компенсации за развод сумму немаленькую. Две тысячи рублей. Вот училка и попросила у нашего Золотова займы. Две тысячи не набралось, а полторы он ей дал. Та намекнула, что отдавать ей не придется, скорее всего, так как, если все и дальше у них замечательно будет складываться, то в скором времени бюджет общий будет. Семейный, так сказать. Девица, конечно, деньги получила и пропала.

– А что, он имя ее не спросил даже? – пытался реабилитироваться Катков, задавая умные вопросы.

– Спросил, но имя и фамилия вымышленные, и оказалось, что ни в какой четырнадцатой школе она сроду не работала.

– А как же он так деньги отдал? Ведь развод же у нас и без согласия оформить могут.

– Наплела она ему знатно, мол, скандал муж поднимет, и на педсовет с этим придет, при всех объявит. А она учительница – лицо школы, пример для всех. Мол, по-тихому хочется. Сами знаете, что разводиться у нас не особо принято. Люди косо смотреть будут, да и парторг может вопрос поднять о моральной устойчивости, а там и из партии турнуть могут.

– Никита Егорович? – я знал, что Горохов что-то не договаривает. – А мы теперь рядовыми имущественными преступлениями заниматься будем? Как-то несолидно...

– Верно подметил, Андрей Григорьевич, – Горохов хитро улыбнулся, – Только дело вот в чем...

Глава 6

– Спустя месяц после случая с Золотовым, – продолжал Горохов, – приключилась еще одна прелюбопытная история. Заместитель директора Волгоградского алюминиевого завода, некий Котеночкин Всеволод Анатольевич, познакомился с симпатичной, с его, как вы понимаете, слов, женщиной. По возрасту близка к нашей учительнице, но внешность описывается другая. Учительница-то брюнетка. Выглядела строго и лаконично. Правильная такая. Недотрога. Эта же оказалась блондинкой. Веселой хохотушкой. Познакомились они в ресторане, Котеночкин отмечал там свой пятидесятилетний юбилей. Он вдовец и в этот вечер тоже был без спутницы. Обратил внимание на одинокую женщину за соседним столиком, что картинно сидела и, украдкой на него поглядывая, улыбалась... Котеночкин возомнил себя молодым котом и, как водится у котов, особенно в марте, перешел в наступление. Дядька он не робкого десятка. Руководитель, награды трудовые имеет. Пригласил дамочку на медленный танец, и завертелось. Исходя из его показаний, роман воспылал бурный, как говорится, с первого раза.

Начальник не то одобрительно, не то даже с завистью хмыкнул и продолжил:

– После третьей встречи его избранница рассказала о внезапно свалившихся неприятностях на работе. Дескать, работает она заведующей столовой № 5, и недавно нагрязнула комиссионная проверка из СЭС. Нашла грубые нарушения. Да такие, что можно с работы слететь. Плакала дамочка и горевала. Котеночкин вызвался помочь, мол, может связи поднять и повлиять на СЭС, но та ему сказала, что маховик уже запущен, и ничего нельзя сделать. Вот только если главному санитарному врачу взятку дать, то еще можно все поправить. Но тот, гад продажный, якобы запросил аж тыщу двести рублей. Тогда Котеночкин предложил ей деньги взаймы. Сам. Та даже не просила. Человек он из производства и знал, что такое СЭС, не понаслышке. Сами знаете, как у нас с санитарными нормами сейчас все строго. Полномочий у СЭС – почти как у КГБ.

Я кивнул, а Катков только плечами пожал. Что сказать, придумано-то оно, может, и верно, если б не разные “но”.

– Ни одно предприятие в стране не запускается без их ведома, ни один город не начинают закладывать без их одобрения. Да что говорить, предписания санитарного врача даже для обычных граждан обязательны для выполнения. Так что замдиректора завода легко поверил. Денег занял. И как галантный кавалер никакой расписки не попросил. Естественно, после получения денег дама испарилась. Потерпевший направился в столовую № 5, но оказалось, что там заведующим работает вот уже десять лет мужчина, – Горохов прокашлялся в кулак, что-то пробубнил, типа “Курить надо бросать, а то горло дерет” и продолжил:

– И были еще парочка случаев, рассказывать не буду, истории длинные. Сами ознакомьтесь с материалами на месте. Вот такие дела, товарищи. Подозреваемые разные на внешность, но возраст примерно одинаков. Подобные преступления – редкость. Я бы даже сказал, экзотика для советских городов. А в преддверии Олимпиады такие казусы нашему руководству как кость в горле. Представляете, если банда этих мошенниц в Москву гастролировать отправится? А скорее всего, так и будет. Иностранцев много богатых летом прилетает, обеспеченных. Тут уже международным скандалом завоняет. Если гостей всех подряд женщины обирать будут, резонанс знатный будет. Тут никакая цензура не спасет. Потому как журналисты тоже импортные будут. Начхать им на нашу цензуру, как колобку на бабушку с дедом. Так что, товарищи, хоть и не совсем корректно так выражаться, но дела эти сейчас поважнее всяких убийств. Убийства всегда были и будут. А такая зараза только появилась. На корню ее надо рубить.

– Ну как же не было таких преступлений? – возразил Катков. – Сам даже выезжал по дежурным суткам на женщин-мошенниц.

– Это все не то, Алексей, – замотал головой следователь. – Цыганки на вокзалах, гадалки в парках – это мелочи. Шушера. А тут постановка театральная на несколько дней. И куш посolidнее.

– Согласна с вами, Никита Егорович, – кивнула Света. – Случаи интересные. Судя по вашему рассказу, подготовка и выбор жертв тщательными были. Это не в подъезде денег взаймы просить.

– А это что за вид мошенничества такой? – не понял Горохов, который в силу своей должности давно уже не сталкивался с милицейской мелочевкой.

– Это когда женщина в халате, в тапочках и бигудях под видом соседки стучится в дверь и просит одолжить деньги на пару часиков, якобы расплатиться с сантехником, слесарем или другим мастером за оказанные услуги на дому. Мол, скоро муж с работы придет, и она вернет эту трешку. Обычно мошенница обрабатывает новостройки, где люди недавно заселились и никого не знают еще.

Бывало, что за полчаса преступнице удавалось облапошить половину подъезда и скрыться.

– А почему половину? – усмехнулся Горохов, – а остальные занимать отказывались? Трешку зажали?

Было заметно, как он весел и готов побалагурить – от радости, что наконец собрал нас здесь не для того, чтобы отправить улицы патрулировать.

– Их просто дома не было.

Я задумался над рассказом Светы. А ведь это был чисто советский способ мошенничества, основанный на взаимовыручке и сознательности граждан. В мое время такое бы не проканалло. Никто бы денег не занял...

– Вот видите, товарищи! – Горохов обвел нас торжествующим взглядом (мошенницы ему своим появлением будто праздник устроили). – Преступления особенные, наглые и быют по гражданам уважаемым, занимающим высокие должности. Так что собирайтесь... Вылетаем в Волгоград завтра.

* * *

Город-герой встретил нас апрельским солнышком. Раскинулся он на правом берегу матушки-Волги на десятки километров. Впоследствии Волгоград будет считаться самым длинным городом России, если не считать Сочи. Но Сочи, в общем-то, по-настоящему не в счет. Его-то длина складывается не из городской инфраструктуры, а из череды курортных поселков.

Не было в нашей стране ни школьника, ни взрослого, кто не знал или не слышал бы, в какие страшные руины превратился город во время Великой Отечественной войны, за недели и месяцы Сталинградской битвы. Но он возродился из пепла, словно Феникс. Но не прекрасный и огненный, а серый и панельный.

Заселились мы в гостиницу с оригинальным названием “Волгоград” по ул. Мира, 12. Гостиница до 1961-го года, как, впрочем, и сам город, носила название “Сталинград”.

Как всегда, нам с Алексеем достался двухместный номер, Горохов и Света заехали в одноместные. Я немного им завидовал. К храпу Каткова привыкнуть было невозможно, но командировочным сотрудникам в званиях ниже майора отдельные номера не положены. А жаль... В мое время в ведомственных гостиницах так же будет, разве что планка повысится. Отдельный номер в ментовской “Комете” в Москве дают, начиная с подполковника и выше. Я, будучи уже опером взрослым и состоявшимся, не горел желанием делить номер с зелеными следаками. И приходилось мухлевать. Менял в заявке на бронь (типа, техническая ошибка) своего майора на подпола. Тетки на ресепшене не сличали данные в брони, в удостоверении и в командировочном при заселении. Они люди сугубо гражданские и вообще были далеки

от всяческих званий и звездочек. А мне доставался уютный одноместный номер с ковровым покрытием ярко-красного цвета. Любят в “Комете” такой цвет почему-то, прямо как в СССР.

– Час на отдых и душ, – распорядился Горохов, – а потом встречаемся в холле. Приедет машина из местного ГУВД и отвезет нас в управление. Там нам выделяют кабинет для работы. Я приму дела к производству, и начнем работать прямо с сегодняшнего дня. Сто лет не расследовал имущественные преступления. Это подследственность милиции, а не прокурорских работников, – мечтательно проговорил следователь. – Не думал, что окунусь в это снова...

* * *

– Ну, где машина, Никита Егорович? – пыхтел Катков, озираясь по сторонам и высматривая с крыльца гостиницы служебную “Волгу”.

– Ничего не понимаю, – Горохов хмурился и поглядывал на наручную “Славу”. – Уже как минут двадцать должна здесь быть.

– Может, пешком дойдем? – предложил я. – Тут недалеко. Пара-тройка километров по проспекту Ленина, вдоль реки.

Горохов вскинул на меня бровь:

– Ты бывал в этих краях?

– Нет, у нас в номере карта города оказалась. Может, из жильцов кто прошлых оставил. Изучил наспех, – не буду же я ему говорить, что частенько командировался в Волгоградский институт МВД (а впоследствии – Волгоградскую академию) на факультет переподготовки кадров для повышения квалификации.

Благодаря таким учёбам многие сотрудники из нашего УВД смогли воочию увидеть одно из семи чудес России – Мамаев курган и Родину-мать с мечом.

– Нет! – пыхтел сигаретой Горохов. – Уж дождемся! Что за бардак?... Где этот бездельник-водитель? Ну, я ему устрою.

Минут через пять к крыльцу подкатило разве что корыто в виде блеклой (когда-то цвет был насыщенно-красным) копейки с треснутой фарой, а нашей Волги до сих пор не было. Водитель копейки выходить не торопился. Сидел и ждал. Очевидно, тоже за кем-то приехал.

Нам оставалось стоять и ждать. От нечего делать я включил режим Шерлока.

Интересно, за кем отправляют такой рыдван? Наверное, за какими-нибудь участниками конференции из НИИ аграрных проблем, а может, за участниками слета экологов или другими доцентами.

Из копейки вылез долговязый парень. Я пригляделся. Ё-моё! Так он же в форме рядового.

– Похоже, это за нами, – кивнул я на трясушующую от работы двигателя колымагу. – Только что-то это не “Волга” вовсе, – подначил я Никиту Егоровича.

Тот обернулся, потер сначала один глаз, потом второй, будто сие действие волшебным образом могло превратить красную тыкву в карету.

– Не понял? – недокуренная сигарета вывалилась изо рта Горохова.

Парень подошел к нам, вид у него был грустный, прямо как у машины:

– Извините, товарищи, это не вы группа Горщенковых? Меня их отправили забрать.

– Представься как положено, – выдохнул от возмущения Горохов. – Не можешь выучить фамилию тех, кого встречаешь?

– Рядовой Тарасенко! – пробормотал парень. – Простите, я недавно работаю.

– Почему опаздываешь? Сколько тебя можно ждать?

– Так мне сказали ехать за вами, я сразу и поехал. Ни минуты не протянул.

– Ясно, – Горохов поморщился. – Детский сад, – Он направился к машине, мы за ним. – А что, во всем Главном управлении области не нашлось машины получше?

Не привык Никита Егорович, чтобы следователя всесоюзного масштаба встречали на тарантасах. Неуважение какое-то.

– Так я не с управления, я из районного отдела. Мне туда вас велено везти.

– Нас? В РОВД? – Горохов хлопнул дверью так, что машина, испугавшись, вздрогнула. – Черт знает, что творится! Ничего... Разберемся.

Мы погрузились, и копейка, выплюнув порцию сизого дыма, чуть дернулась и нехотя поползла по дороге. Похоже, что нам здесь не очень были рады.

* * *

Райотдел милиции оказался не близко. Ехали минут двадцать. Свернули раз пять. Сбавили скорость и, потеснив расписные гаишные мотоциклы, что одиноко стояли прямо у крыльца, остановились возле старого здания из потемневшего купеческого бруса. Двухэтажная постройка явно дореволюционных времен. И лишь лучики решеток на окнах и вывеска с синей трафаретной надписью “Милиция” свидетельствовали о современном применении здания. И как сие зодчество только во время войны умудрилось уцелеть, непонятно. Хотя может построили дом после войны, просто, как говорится, пил, курил, болел...

Вошли внутрь. Деревянный скрипучий пол продавливался под ногами и, казалось, сейчас совсем провалится. Пахло мышами, застарелым линолеумом и табаком.

Только вошли и сразу уперлись в окно дежурной части. Рыжий, с глазами хитрыми, как у Чубайса, старшина лениво мешал ложечкой чай. Обвел нас бывалым взглядом, хотел было остановить, мол, куда, граждане, прете? Заявление хотите написать или мимо пройти? Но, увидев в нашей компании рядового, выдохнул с облегчением и снова отхлебнул чай.

– Встать! – гаркнул Горохов, протянув между прутьями в вырез “аквариума” свое раскрытое удостоверение. – Кто старший?

Помощник дежурного чуть кружку на себя не вылил. Подскочил, одергивая китель и поправляя съехавший форменный галстук. Наконец смог проблеять:

– Так, э-э... Это самое... Нет его. Отошел дежурный. В курилку, так сказать...

– Я не про дежурную смену, – буравил его гневным взглядом Горохов. – Я про начальника всей этой богадельни!

– А, секундочку, – помдеж схватился за зеленую трубку и истово стал крутить диск, еле попадая в нужные дырочки:

– Товарищ майор, тут это самое... Вас спрашивают. Из Москвы. Что? Да, Горощенко.

– Горохов, – процедил следователь, но помдеж его не слышал.

Старшина повесил трубку:

– Это самое, товарищи. Проходите. Второй этаж, налево и до конца. Там табличка будет: “Начальник”. Вам туда, это самое... Или, может, вас проводить? – помдеж беспомощно озираясь в поисках кандидата, кого можно было бы оставить вместо себя временно на пульте.

– Разберемся, – холодно бросил Горохов и решительным шагом направился к лестнице.

Ступеньки ее тоже оказались деревянные. Обиты совдеповским затертым до мерзко-желтого цвета линолеумом, пришипленным к доскам гвоздиками с декоративными шляпками.

Лестница, как и пол, тоже прогибалась под нашими ногами, и вдобавок покачивала перилами, выкрашенными в неприветливый кирпичный цвет для плитусов.

Здание изнутри смотрелось убого. Много таких сейчас по Союзу. Но, несмотря на кажущуюся ветхость, доживут такие отделы и отделения аж до двухтысячных. Построить новые пораньше рухнувшая экономика страны не позволит.

Помнится, в один провинциальный городок (Саяногорск, в котором недавно были по делу из Хакасии), я в начале нулевых летал в командировку. Так там следственный изолятор находился под ветхой полуразрушенной двухэтажной постройкой. Здание новое для ОВД

через дорогу построили, а на изолятор денег не хватило. Так и ходили несколько лет на работу милиционеры через развалины с покосившейся крышей и выбитыми окнами.

Тем временем мы поднялись на второй этаж. Света с Катковым пребывали в легком шоке. Они как столичные жители не привыкли к районным реалиям. Горохов решительно толкнул дверь, обитую черным потрескавшимся дерматином. Я шмыгнул за ним. Остальные остались ждать в коридоре. Знали, что сейчас начнется, и не хотели в этом участвовать. А я всегда за кипиш. Лишь бы войны не было и сухого закона.

– Старший следователь по особо важным делам генпрокуратуры СССР Горохов Никита Егорович, – командно выдал Горохов, подходя к столу начальника.

Шагал так, будто он сам был начальником этого РОВД.

– Стариков, – сухопарый майор возраста Жеглова поднялся из-за стола навстречу и протянул руку. – Степан Федорович.

– Бардак у тебя, майор! – Горохов энергично пожал ладонь в ответ. – Кто распорядился нас сюда определить?

– Так приказ свыше, – робко пожал плечами Стариков. – Я ни при чем.

– Хоть бы дежурного своего предупредил, что мы прибудем. А то сидит за стеклом и одной рукой в носу ковыряет, а другой пузо чешет. Так вы следственную группу из Москвы встречаете? Еще и на колымаге такой.

– Так, товарищ Горохов, – оправдывался майор, машин других у нас и нету. Мотоциклы только. “УАЗ” еще есть, но тот на происшествии сейчас. А предупредить я не успел. Виноват. Меня самого недавно перед фактом поставили.

– Кто? Начальник Главка? Есть его телефон?

– Нет, он в отпуске, с последующим на пенсию. Зам его распорядился, что обязанности сейчас исполняет. Полковник Ревягин.

– Кто? – глаза Горохова полезли на лоб. – Не Евгений Сергеевич случайно его зовут?

– Он самый, – облегченно закивал майор.

– Бл*дь! – не сдержался Горохов. – Ясно тогда все...

Глава 7

– Вы знакомы с нашим Ревягиным? – удивился майор.

– Было дело, – буркнул Горохов. – Ладно... Где наш кабинет? Показывай.

Следователь сдерживался, чтобы не спустить всех собак на районного начальника, потому что понимал, что тот совсем ни при чем.

– На первом, внизу, я вас сейчас провожу, – Стариков как-то по лакейски чуть наклонился и поспешил на выход.

Мы спустились на первый этаж. Майор шустро заскочил в дежурку и взял ключ с торчащего из фанерного щита на стене гвоздика. Гвозди были набиты рядами и заменяли ключницу – дешево и сердито.

Начальник отомкнул дверь кабинета, что был совсем рядом с дежуркой. Мы вошли и огляделись.

Кабинет оказался не таким страшным, каким мы теперь уже ожидали его увидеть. Стены до уровня груди обшиты помутневшей от времени полировкой. Под окнами батареи скрыты фанерными щитами с крупными горошинами дыр, для конвекции.

Верх стен выкрашен в казенно-желтый цвет. Из мебели два однотумбовых стола, стареньких, но еще крепких. Платяной шкаф, несколько стульев, сукно которых по углам сидучек протерлось, как на пальто у бедных родственников. Оттуда выбивался белый ватный наполнитель. В углу громоздкий насыпной сейф болотного цвета с горшком засохшей герани наверху. В общем, обычный милицкий кабинет.

– Не хоромы, – оправдывался Стариков, чуть опустив глаза, – но чем богаты. Если не устраивает, можете мой кабинет занять. А я в этом могу разместиться.

Это он договорил совсем уж грустно, но не сопротивляясь печальной судьбе.

– Нет, спасибо, – уже смягчился Горохов. – Нормальное рабочее место так и должно выглядеть. Ничего лишнего. Ничто не мешает, ничто не отвлекает. Только вид из окна какой-то сомнительный. Это что там? Огород, что ли?

– Так точно, но у нас все согласовано. Гаражей под технику у нас своих нет, ставим ее в боксах дорожного управления минтрансстроя. А тут, чтобы земля не пустовала, облагородили территорию, так сказать.

– Ваше дело, – отмахнулся Горохов. – Проверки часто к вам заглядывают?

– Не часто... В прошлый раз лет десять назад была. Я сам с отчетами в Главк ездю. И получаю за раскрываемость на совещаниях тоже там. Без отрыва от производства, так сказать.

– Насчет транспорта, – Горохов вопросительно посмотрел на начальника РОВД. – Я так понял, что машина у вас одна?

– Она в вашем распоряжении, – поспешил заверить майор. – Вам Тарасенко как водитель нужен или сами справитесь?

– Справимся, – кивнул Горохов. – У нас все водить умеют почти как профессиональные шоферы. Алексей, прадва не особо, но подтянет навык.

– Как это не особо? – вдруг заявил Катков. – Что вы меня со счетов списываете? У меня стаж водительский, между прочим, двадцать лет.

– Да? – вскинул брови следователь. – Вот бы не подумал...

– Права у меня давно, просто, – пожал плечами Катков. – В УПК в школе еще отучился. В семнадцать лет их получил, но управлять можно было только с восемнадцати. Лежали без дела.

– А сейчас что? Не лежат?

– И сейчас лежат, – вздохнул Катков. – С милицкой зарплатой даже на Москвич не накопишь. Он почти пять тысяч стоит. Да еще на очереди стоять надо. Вот и лежат корочки.

– Ну ты с собой-то их, надеюсь, взял?

– Конечно, они всегда при мне. Вот, могу показать...

– Отлично, – Горохов повернулся к майору. – Я вас больше не задерживаю, а Ревягину передайте привет от меня.

– Так вы сами ему сможете передать. Он сюда скоро приедет. Приказал мне позвонить, как вы устроитесь. Вот сейчас пойду наберу Евгения Сергеевича. Сообщу, что все в порядке.

– Замечательно! – улыбнулся Горохов, но как-то без радости, вроде уголки рта приподнялись, а во взгляде лед. – С нетерпением буду ждать старого друга.

– Так вы с ним друзья? – Стариков аж замер в проходе влоборота, оглянувшись на следователя.

– Еще какие, – процедил Горохов, и, видя, что Стариков стоит и не уходит, словно ждет продолжения истории, недовольно добавил. – Иди, майор, работай. Нам тут планерку провести надо. Дела, понимаешь...

* * *

Тук-тук! – кто-то по хозяйски забарабанил в дверь нашего “нового” кабинета. Горохов даже не успел крикнуть “войдите”, как посетитель, не дожидаясь, распахнул дверь и шагнул внутрь. Полковник с довольной и холеной, как у персонажей Бурунова, мордой (даже лысина по форме оказалась такая же, и глаза с той же придурковатой хитрецой). Снял форменную шапку и по-хозяйски водрузил ее на крюк вешалки. С облегчением расстегнул шинель, что раздулась в районе талии и никак не хотела вмещать в себя живот.

– Здравия желаю, Горох! – полкан, не церемонясь, протянул руку.

Его широкая улыбка вроде не отсвечивала сарказмом или другим подвохом, но было в ней что-то фальшивое. Как у Бармалея, который любит маленьких детей.

– Горох в институте остался, – пробурчал следователь, – а сейчас я для тебя Никита Егорович.

– Да ладно, ты же сам меня всегда Ревуном называл. Почему? От фамилии Ревягин? А сейчас, я смотрю, повзрослел. Виски седые, морда со сковороду размером. Шея в ворот рубахи не вмещается.

– Ты по делу или уже уходишь? – процедил Горохов.

– По делу, конечно. Вот, приехал лично узнать, как устроились коллеги из Москвы. Всего ли им хватает.

– Плохо устроились, аукнется это тебе еще, Евгений Сергеевич. Мы здесь не в бирюльки приехали играть. Ты нас в здании ГУВД должен был разместить, чтобы и доступ к архивам и к канцелярии области был сразу, и техникой нормальной обеспечить. Или распоряжение с министерства до тебя не дошло?

– Дошло... Вот только что я помогу поделаться, Никита Егорович, – теперь полкан улыбался, не скрывая злорадство. – Ремонт у нас в здании приключился, представляешь? Сами как сардины в масле в кабинеты понабились. А технику я тебе выделил. Стариков доложил, что единственная легковушка из его РОВД тебе передана. Так?

– А почему сразу не велосипед нам предоставил? Корыто подсунул.

– Ну ты, Никита Егорович, просто зажрался в своей Москве, – развел местный зам руками. – У нас в области так-то с машинами негусто. Гаишники на “Уралах” с коляской даже зимой ездят. А некоторые на своих личных “Москвичах” в патруль выходят. А если кабинет в Главке тебе нужен, то не переживай. Переселим вас после ремонта. Там делов на месяц осталось. Ты же, надеюсь, надолго прилетел? – последний вопрос был задан с издевкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.